

НАУКА И КОНСОЛИДАЦИЯ СОВЕТСКОЙ СИСТЕМЫ В ПРЕДВОЕННЫЕ ГОДЫ

(глава 15 книги "Наука и кризисы",
СПб.: Дмитрий Буланин, 2003, с.728-782)

От пролетарской науки к советской

С 1933 г. наметился очередной крутой поворот научной политики: на этот раз от пролетарской и леворадикальной к консервативной и национально-государственной. Ускоренная индустриализация страны и насильственная коллективизация сельского хозяйства наглядно показали, что волюнтаристских методов и энтузиазма малограмотных партийцев послереволюционного призыва недостаточно для достижения поставленных целей. В ходе «культурной революции» окончательно обнаружился утопический характер намерений заменить традиционные научные структуры. Комакадемия и другие марксистские учреждения показали полную неспособность вести исследования в области естествознания и математики. Установка Ленина на сохранение форм организации интеллектуальной деятельности, унаследованных от царской политики, выдержала яростные атаки слева и доказала свою жизнеспособность в условиях ускоренной трансформации общества.

Очередной поворот правительственной политики по отношению к научной интеллигенции, новое сталинское предложение старорежимным специалистам о сотрудничестве в области науки, техники, управления и экономики показали, что, несмотря на ускоренное создание «красной интеллигенции», они остались незаменимыми. Осознавая, что без «бывших» специалистов не решить экономические и оборонные проблемы, Сталин заявил в программной речи «Новая обстановка — новые задачи хозяйственного строительства» об отказе от политики разгрома научно-технической интеллигенции и переходе к «политике привлечения и заботы о ней».¹ Из тюрем и ссылки возвращались тысячи недавних «вредителей», часто на прежние места. В конце 1930-х гг. выяснилось, что хотя выдвиненцы и оккупировали стратегически важные позиции в управлении, в самой науке лица буржуазного происхождения, получившие образование до 1917 г., как и прежде, занимали ведущие позиции. Но они уже никогда не вернули себе той свободы, которая необходима для нормального развития науки.

¹ Правда. 1931. 5 июля.

Негативные последствия ограничения свободы правительство в какой-то степени компенсировало увеличением ассигнований на науку. А по своему масштабу этот процесс не имел аналогов в мире. Считая науку важнейшим фактором в построении социалистического общества, в превращении аграрной страны в передовую индустриальную державу, правительство выделяло на нее колоссальные средства. Отныне во всех документах ЦК ВКП(б) и СНК СССР рост науки рассматривается как важное условие экономического и культурного развития страны и декларируется необходимость поддерживать ученых. В конечном счете был создан мощный научный потенциал, ядро которого составляла АН СССР, после провала фундаментальных реформ советской науки в годы «культурной революции» окончательно превратившаяся в центральное учреждение советской науки, находящееся под полным контролем партийных органов.

В записке И. В. Сталину и Л. М. Кагановичу от 2 июня 1933 г. заведующий Культпропом ЦК ВКП(б) А. И. Стецкий и заведующий сектором научных учреждений Ф. Горохов отмечали огромные сдвиги в организации и деятельности Академии наук за последние три года: в составе и подготовке кадров, в развертывании учреждений и расширении фронта научных исследований; в работе Президиума Академии наук; в настроениях среди академиков; в усилении роли партийной и профсоюзной организации и фракций академиков-коммунистов.² Степень влияния академического сообщества на научную политику определяло партийно-государственное руководство. Само развитие научного сообщества всецело определялось взаимодействием его руководства, назначенного партийными органами, с партийно-государственным аппаратом в определении приоритетных направлений и обеспечении непрерывного фронта научных исследований в стране.

Увеличение численности научных сотрудников опережало рост числа работников в других отраслях общественного производства. Так, в период с 1930 по 1965 г. численность рабочих и служащих возросла в 8 раз, а занятых в науке — в 36 раз.³ Поэтому Л. Грэхем справедливо утверждает, что Коммунистическая партия и государство не только контролировали науку, но и поддерживали ее.⁴ К началу 1960-х гг. Советский Союз давал 28% всей мировой научной продукции по химии и 16% по физике, уступая только США — 28 и 30% соответственно.⁵ При этом по абсолютным показателям ассигнований

² Цит. по: Академия наук в решениях Политбюро ЦК РКП(б)—ВКП(б). 1922-1952 / Сост. Е. Д. Есаков. М., 2000. С. 13.

³ Народное хозяйство СССР в 1968 г. М., 1969. С. 549.

⁴ *Graham L. The Soviet Academy of Sciences and the Communist Party. 1927-1932. Princeton, 1967.*

⁵ *Ben-David J. The Scientists Role in Society. A Comparative Study. Chicago; London, 1984. P. 194.*

на науку СССР в несколько раз уступал США. Успех в значительной степени объяснялся тем, что в условиях резкого увеличения ассигнований на науку и жесткого централизованного управления удавалось сконцентрировать усилия ученых на главных, приоритетных направлениях научно-технического прогресса. Эти усилия оправдывали себя в тех случаях, когда стратегия исследования выбиралась при активном участии самих ученых. Немаловажное значение имело то, что социальный статус ученого был достаточно высок. Привлекал талантливую молодежь в науку и тот факт, что по сути дела это был единственный островок творческой свободы. Как показала история советской генетики, только ученые осмеливались на открытое противостояние сталинским фаворитам.

В то же время стабилизация и укрепление старых научных институтов таили в себе потенциал новых кризисов. Партийные идеологи прекрасно осознавали, что трансформация науки в целом не удалась, что многие ученые чисто внешне восприняли новые формы взаимоотношений с властью и тяготятся своей зависимостью от нее, что их не устраивают новые ритуалы и традиции. В связи с этим радикальные реформаторы, чьи планы коренной реконструкции науки так и не были осуществлены, продолжали не без основания подозревать ведущих ученых в антисоветских настроениях и в различного рода отклонениях от диалектического материализма. Этим в значительной степени объясняется огромный процент ученых, пострадавших в массовых репрессиях во второй половине 1930-х гг.

Научно-техническая элита дореволюционного общества понесла огромные потери в годы «культурной революции» и «массового террора», но ее представители были не только несчастными жертвами тоталитарного режима, а часто, как вновь недавно было убедительно показано, наиболее твердыми и активными сторонниками ускоренной индустриализации, призванной в конечном счете модернизировать все сферы общества.⁶

С введением плановой экономики «командные высоты» заняли наспех подготовленные представители партийной интеллигенции, завоевавшие посты в ходе бурного создания новых структур и чисток «буржуазных специалистов». Репрессии стали неотъемлемой частью революционного «прорыва» в науке при переходе к мнимо рациональной плановой экономике. Испытанные на «буржуазных специалистах» технические приемы террора с середины 1930-х гг. будут применяться по отношению к новым коммунистическим кадрам в науке.

⁶ *Shearer D.* Industry, State and Society in Stalin's Russia. 1926-1934. Ithaca; New York; London, 1996.

С этого момента наука была поставлена под строгий идеологический контроль. Ученые должны были заявлять о безукоризненности мировоззренческих основ своих исследований, базирующихся только на историческом и диалектическом материализме. Непрерывно инициировалась борьба за укрепление «союза» философов и естествоиспытателей. Огненные явное инакомыслие в науке не допускалось. Крайняя политизация и идеологизация науки отрицательно сказывались на результатах исследований. Особенно страдали от этого гуманитарные науки. От естественников же нередко требовались мало обязывающие декларации о самоотверженном участии в социалистическом строительстве.

Партийное руководство старалось контролировать все стороны научной жизни. На смену представлениям о пролетарской науке внедрялись убеждения о существовании некоей «советской науки», базирующейся на передовых национальных традициях науки дореволюционной. Для этого формировались мифы о выдающихся русских ученых (Н. Е. Жуковском, Д. И. Менделееве, И. В. Мичурине, И. П. Павлове, К. А. Тимирязеве, К. Э. Циолковском), якобы namного опередивших в своих работах зарубежные исследования. Часть из них канонизации была удостоена при жизни. Так, на Красную площадь во время одного из Первомайских парадов был приглашен К. Э. Циолковский, который ярко и вдохновенно говорил о будущих космических полетах и провозглашал здравницы в честь ВКП(б), которая, создав мощную авиацию, воплотила его мечты и идеи в жизнь. Вскоре к пантеону «корифеев» все чаще стали причисляться личности, чьи научные работы не имели высокого научного статуса (В. Р. Вильямс), а иногда и просто проходимцы в науке типа Т. Д. Лысенко. Так создавалась идеологическая база для политических вмешательств в науку, ярчайшим примером которых стал лысенкоизм — как некий образец советской биологии, противостоящей буржуазной.

Социально-политическим фоном научной деятельности стала непрекращающаяся череда различного рода съездов, сессий, слетов, совещаний и конференций, на которых рапортовалось о хозяйственных и политических успехах. Одновременно начинались политические процессы над бывшими лидерами партии, шла кампания «покаяния» и «признания» ошибок. Гибель представителей партийной элиты (Н. И. Бухарин, Н. П. Горбунов, А. С. Енукидзе, В. П. Милютин, Л. Б. Каменев, Б. П. Позерн, А. И. Рыков и др.), наиболее тесно связанной с научным сообществом, не могла не иметь последствий для ученых, которым легко было приписать связь с врагами народа. Начиная с 1936 г. вал репрессий накрыл научное сообщество. Трагедией науки, бедствием государства стали массовые аресты ученых, деятелей высшей школы в 1936-1938 гг. В тюрьмы были брошены многие сотрудники академических учреждений, отраслевых институтов,

конструкторских бюро, профессоров и преподавателей вузов. Труд ученых использовался в специально созданных для них тюремных лабораториях и бюро. В частности, А. Н. Туполев руководил в Москве тюремным авиаконструкторским бюро (ЦКБ-28 НКВД, «туполевская шарага»). В числе жертв «большого террора» оказалось немало блестящих представителей отечественной науки, становление которой приходилось в основном на послереволюционные десятилетия.

Советский патриотизм и «осажденная крепость»

В 1931 г. И. В. Сталин положил начало прямому личному участию в разработке принципиальных проблем отечественной истории.⁷ В следующем году постановлением ЦК ВКП(б) «Об учебных программах и режиме в начальной средней школе» от 25 августа 1932 г. намечался поворот к «державной идеологии или ... к идеологии советского государственного патриотизма», который занял несколько лет, пройдя в своем развитии ряд этапов.⁸ Идея государственности, призванная обеспечить рост и укрепление Советского государства, постепенно трансформировалась в советский патриотизм со все усиливающимся звучанием националистических ноток.

В 1932-1935 гг. были освобождены из ссылок и лагерей все выжившие фигуранты «Академического дела», многие из которых не только вернулись к активной научной и педагогической деятельности, но сделали головокружительную карьеру, став действительными членами АН СССР и лауреатами Сталинской премии. Решающие события выпали на март 1934 г., когда в Политбюро и Наркомпросе прошли совещания об учебниках и неудовлетворительном преподавании истории в школе. На встрече с историками нарком просвещения А. С. Бубнов прямо говорил о необходимости отказа от «социологизаторства» истории и возвращения к преподаванию «прагматичной истории».⁹

20 марта 1934 г. на расширенном заседании Политбюро, куда были приглашены историки, выступил Сталин, который резко критиковал учебники истории для средней школы за схематизм, отсутствие ярких фактов и событий, конкретных имен, названий и т. д.¹⁰ Он под-

⁷ Сталин И. В. О некоторых вопросах истории большевизма // Пролетарская революция. 1931. № 6.

⁸ Брачев В. С. Дело историков. 1929-1931 гг. СПб., 1998. С. 98.

⁹ Артизов А. Н. Николай Николаевич Ванга (1899-1937) // Отечественная история. 1992. № 6. С. 103

¹⁰ Литвин А. Л. Без права на мысль. Историки в эпоху Большого террора: Очерки судеб. Казань, 1994.

черкнул преемственность в исторической миссии русских в Российской империи и социалистическом государстве, указав, что нужна история не народов СССР, а история СССР, «Русский народ в прошлом собирал другие народы. К такому же собирательству он приступил и сейчас».¹¹ Эти мысли вождя были оформлены постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О преподавании гражданской истории в школах СССР» от 16 мая 1934 г., где в качестве главного недостатка называлась подмена реального исторического процесса абстрактными схемами, игнорирование роли личности и т. д. Уже здесь достаточно ясно обозначился поворот к прошлому и отказ от революционной идеологии.

В том же году 19 июля Сталин обратился с письмом к членам Политбюро ЦК ВКП(б), в котором возражал против публикации в журнале «Большевик», посвященном 20-летней годовщине начала Первой мировой войны, статьи Ф. Энгельса ввиду его резких высказываний в адрес завоевательной политики царизма как главного оплота европейской реакции.¹² 14 августа ЦК ВКП(б) и СНК СССР одобрили замечания И. В. Сталина, С. М. Кирова и А. А. Жданова в адрес конспекта учебника истории,¹³ в которых вновь выражалось резкое недовольство изображением «русской истории, а не истории СССР, т. е. истории Руси, но без народов, которые вошли в состав СССР».¹⁴

Особое место в оформлении нового облика советской науки занял 1936 г., начало которого ознаменовалось заседанием Комиссии ЦК ВКП(б) и СНК СССР по учебникам истории, на котором было решено опубликовать подготовленные еще 8 и 9 августа 1934 г. «Замечания» И. В. Сталина, А. А. Жданова и С. М. Кирова. 27 января 1936 г. номера «Правды» и «Известий» почти полностью были посвящены вопросам истории и исторической науке. В опубликованных замечаниях Сталина, Жданова и Кирова было сказано: «Нам нужен такой учебник по истории СССР, где бы история Великодержавии не отрывалась от истории других народов СССР». Для обоснования официального поворота в отношении к истории Российской империи были задействованы лучшие теоретики партии, находившиеся тогда в опале. В «Известиях» была опубликована статья Н. И. Бухарина «Нужна ли нам марксистская историческая наука?», рассмотренная до этого Сталиным, в которой Покровский обвинялся в неумении вскрыть диалектику «классово-субъективного» и «исторически-объективно-

¹¹ Там же. С. 57.

¹² Сталин И. В. О статье Энгельса «Внешняя политика русского царизма» // К изучению истории. М., 1946. С. 41-44.

¹³ Артизов А. Н. Критика М. Н. Покровского и его школы (к истории вопроса) // История СССР. 1991. № 1. С. 102-120.

¹⁴ Сталин И., Жданов А., Киров С. Замечания по поводу конспекта учебника по истории СССР // К изучению истории. С. 21.

го», в ошибочной оценке истории как «политики, опрокинутой в прошлое», в отрицании объективных закономерностей и т. д. Статья К. Радека «Значение истории для революционного пролетариата» призывала признать за историей «право стать конкретной наукой», объективной правдой, и тем самым, великим оружием в боях за социализм». Так, был дан старт кампании по разоблачению «ненаучных» и «антиленинских» взглядов недавнего руководителя Комакадемии М. Н. Покровского.

Попало и самому Бухарину за его недавние неуважительные оценки русского народа как нации, воплощавшей «азиатчину», «неразбериху, безалаберщину», «восточную лень», «обломовщину» и т. д.¹⁵ В анонимной статье «Об одной гнилой концепции», опубликованной в «Правде» 10 февраля, подобные высказывания Бухарина были названы «глупой и вредной реакционной болтовней», и подчеркивалось: «Партия всегда была против каких бы то ни было проявлений антиленинской идеологии „Иванов, не помнящих родства“, пытающейся окрасить все историческое прошлое нашей страны в сплошной черный цвет».

Разгромной критике прежде всего было подвергнуто пренебрежительное отношение к национально-историческим традициям.¹⁶ Кампания шла на фоне массовых репрессий, развернувшихся после убийства С. М. Кирова в декабре 1934 г. В течение нескольких лет были уничтожены сотни историков, сформировавшихся уже в послереволюционные годы. Среди них почти все руководители исторических институтов АН СССР и Комакадемии, историко-партийного ИКП, институтов истории партии при обкомах, руководители кафедр, редакторы журналов и т. д. (В. И. Невский, П. И. Анатольев, П. П. Парадизов, В. З. Зельцер, Г. С. Зайдель, Н. Н. Ванаг, Г. С. Фридлянд, С. Г. Томсинский, Б. Н. Тихомиров, А. И. Малышев, З. Б. Лозинский, С. А. Пионтковский, А. Г. Пригожин и др.).¹⁷ Не случайно первое место в системе Академии наук по числу выявленных вредителей занял Институт истории АН СССР, где уже к марту 1937 г., по словам директора Н. М. Лукина, репрессированного позднее, было арестовано более двух третей сотрудников.

Помимо сотен статей с разоблачением антиленинских взглядов Покровского был подготовлен двухтомный сборник, в котором приняли участие как ведущие историки страны — представители старой школы, так и выдвиженцы предшествующих лет, в том числе и не-

¹⁵ Бухарин Н. И. Наш вождь, наш учитель, наш отец // Известия. 1936. 21 янв.

¹⁶ Алаторцева А. И. Советская историческая периодика. 1917—середина 1930-х годов. М., 1989.

¹⁷ 1937 год. Институт Красной Профессуры. Выступления Н.М.Лукина, В. В. Максакова, О. С. Вейланд, И. Л. Рыклина // Отечественная история. 1992. № 2. С. 119-146.

давние сторонники Покровского. Название первого тома «Против исторической концепции М. Н. Покровского» еще как бы подразумевало научный характер полемики, но и здесь А. М. Панкратова заявила, что «так называемая школа Покровского» закономерно стала «базой для вредительства со стороны врагов народа, разоблаченных методами НКВД, троцкистско-бухаринских наймитов фашизма».¹⁸ Название второго тома «Против антимарксистской концепции М. Н. Покровского» уже было откровенно обвинительным. Слова главного оппонента Покровского в годы «культурной революции» Е. Ярославского звучали как обвинительный приговор суда последней инстанции: «Около Покровского ютилась и под его руководством на историческом фронте подвизалась целая группа врагов народа».¹⁹ В итоге Покровский был низвергнут, а большинство его учеников и сподвижников арестованы и уничтожены.

В исторической науке утверждался культ Сталина, чувствовавшего себя скорее наследником российских императоров, чем вождем пролетарской революции. Все ошутимей стала тенденция к идеализации прошлого, исчез классовый подход в оценках внешнеполитической деятельности русских самодержцев. В статье «Знать и любить свою Родину», напечатанной в газете «Правда» 7 марта 1936 г., историкам предписывали превратить их науку в «мощное орудие гражданского воспитания». Восстановленный в советской упаковке патриотизм стал официальной идеологией. В политическом лексиконе газет утверждались, казалось бы, забытые после революции клише типа «великая родина», «великий русский народ» и «советский патриотизм». О русском народе стали говорить как о «первом среди равных». В развитии патриотического дискурса в прессе от «передового советского строя» к «великому русскому народу» особое место заняли юбилеи ученых, организованные каждый раз по решениям Политбюро ЦК ВКП(б) как национальные праздники и уроки патриотизма.

Начало было положено празднованием столетней годовщины со дня рождения Д. И. Менделеева, в ознаменование которой еще 10 августа 1933 г. Политбюро ЦК ВКП(б) приняло решение «созвать в 1934 г. в Ленинграде Менделеевский съезд (с приглашением иностранных ученых) с общим количеством участников 150 чел.».²⁰ Наблюдать за ходом его работы было поручено А. И. Стецкому, А. С. Бубнову и С. М. Кирову. На следующий год Политбюро не раз возвращалось к этому вопросу, доведя в конечном счете число при-

¹⁸ Панкратова А. М. Развитие исторических взглядов М. Н. Покровского // Против исторической концепции М. Н. Покровского. М.; Л., 1935. Ч. 1. С. 5.

¹⁹ Ярославский Ем. Антимарксистские извращения «школы» М. Н. Покровского // Против антимарксистской концепции М. Н. Покровского. М.; Л., 1940. Ч. 2. С. 24.

²⁰ Академия наук в решениях Политбюро. С. 132-133.

глашенных гостей до 350 человек.²¹ В итоге съезд начал работать 10 сентября 1934 г. в Москве и, как и юбилей Ч. Дарвина в 1932 г., был использован для нагнетания патриотической истерии. В день его открытия в передовой статье «Правды» было заявлено: «Все лучшее, что есть в рядах ученых мира, тяготеет к нашей стране, осваивающей культурное наследство... Мировой научный центр все более перемещается в СССР...». 225-летний юбилей со дня рождения М. В. Ломоносова осенью 1936 г. превратился в чествование «гениального сына великого русского народа».

Для воспитания патриотизма использовалась даже смерть выдающихся отечественных ученых И. П. Павлова и А. П. Карпинского, похороны которых 1 марта 1936 г. и 17 июля 1936 г., соответственно, были превращены в грандиозные мероприятия общенационального масштаба. Специальными постановлениями Политбюро и СНК создавались правительственные комиссии, которыми не только предписывался порядок траурных мероприятий и погребений, но и точное количество трудящихся и научных сотрудников, участвовавших в похоронных процессиях.²² Для увековечения их памяти имена усопших присваивались площадям, улицам, институтам, музеям, а родственникам устанавливались специальные пенсии, принимались решения о сооружении памятников, издании сочинений и т. д. Не забывались и здравствующие ученые, по тем или иным соображениям причисленные к классикам отечественной науки. Так, 50-летие научной и научно-педагогической деятельности академика В. Р. Вильямса, провозглашенного мировым ученым в «области научного земледелия», Политбюро ЦК ВКП(б) решило 9 ноября 1934 г. отметить специальным празднованием, организацией музея имени В. Р. Вильямса и учреждением стипендиального фонда.

Особенно большое значение придавалось пропаганде достижений советской науки, свидетельствующих о заботе Советского правительства об ученых и науке, на разного рода международных конференциях и съездах. Всем выезжающим в заграничные командировки предписывалось активно знакомить зарубежных ученых с блестящими успехами советской науки. В «праздники советской науки» превращались и международные конгрессы, происходившие в СССР. При решении об их проведении партийное руководство прежде всего учитывало возможный пропагандистский эффект. В этом отношении особенно показателен XV Международный физиологический конгресс под председательством И. П. Павлова, на проведение которого в 1935 г. по разным оценкам было выделено 2-3,5 млн рублей. По

²¹ Там же. С. 151, 155-157, 159.

²² Там же. С. 227-230, 234, 242-243.

²³ Григорян Н. А. Великий физиолог // Павлов И. П. Избр. тр. М., 1999. С. 21.

просьбе Павлова для проведения съезда, среди делегатов которого только иностранных ученых было более тысячи, была создана представительная правительственная комиссия во главе с А. А. Ждановым. В одобренном Политбюро приветствии Советского правительства подчеркивалось его «исключительное внимание развитию науки в Союзе Советских Социалистических Республик».²⁴ В нем отмечалось, что в царской России было всего 24 физиологических научно-исследовательских учреждения, а теперь их насчитывается 300. В десять раз (с 50 до 500) увеличилось и число физиологов.

Это изменение патриотического дискурса было с одобрением встречено подавляющим большинством научной интеллигенции. Решив, что его идеи об эволюции большевизма в имперскую идеологию побеждают, возвращается в Россию Н. В. Устрялов — главный идеолог сменовеховства. Вместе с ним из Маньчжурии вернулись 25 тысяч эмигрантов, на эшелонах которых были транспаранты «Матушка Россия, прими своих детей».²⁵ Они активно включились в официальную пропаганду «патриотизма», приверженность которому совсем недавно расценивалась как «черносотенство» и «великорусский шовинизм». «Плох патриот, — поучал Н. В. Устрялов, — который уважает историю своего народа лишь в будущем. И не случайно вызывает ныне в советских людях такой единодушный отпор пренебрежение к историческому прошлому наших народов, в частности, к историческому прошлому великого нашего русского народа».²⁶ Но сталинская Россия для многих из них, в том числе и для самого Устрялова, оказалась злой мачехой, а «познавший себя социализм» отправил их по тропам массового террора.

Одновременно не только в массовом сознании, но и среди политической и интеллектуальной элиты укореняются мифологизированные представления о внешнем мире как некоей «темной силе», непримиримо враждебной миру своему, освоенному, привычному.²⁷ Раздираемое противоречиями «капиталистическое окружение» воспринималось как единое в своей ненависти к стране победившего социализма. Эту идеологему четко сформулировал в начале 1937 г. К. Е. Ворошилов: «Весь мир против нас».

Если до этого многие ученые выполняли роль полпредов советской науки за рубежом, то отныне они в первую очередь становились

²⁴ Академия наук в решениях Политбюро. С. 183.

²⁵ *Ильина Н.* Дороги и судьбы. М., 1988. С. 44.

²⁶ *Устрялов Н.* Самопознание социализма // Известия. 1936. 18 дек.

²⁷ *Голубев А. В.* Запад глазами советского общества (основные тенденции формирования внешнеполитических стереотипов в 30-х годах // Отечественная история. 1996. № 1. С. 104-119.

²⁸ Материалы февральско-мартовского пленума ЦК ВКП(б) 1937 г. // Вопросы истории. 1993. № 8. С. 15.

невыездными. Уже в конце 1932 г. у многих стипендиатов зарубежных фондов возникли политические проблемы с выездом за границу.²⁹ С 1933 г. начинается резкое свертывание всех международных контактов. 1934 г. стал в этом отношении роковым для Н. И. Вавилова и Н. К. Кольцова, которым отныне не разрешали заграничные командировки.

Приехавшему в Москву П. Л. Капице объявили, что он должен работать в СССР, а его виза на выезд в Англию была аннулирована. На просьбу директора Кавендишской лаборатории, лауреата Нобелевской премии Э. Резерфорда, ходатайствовавшего о возвращении Капицы для продолжения работы, Политбюро 23 октября 1934 г. поручило М. М. Литвинову ответить, «что советское государство само нуждается в услугах Капицы» и «считает себя вправе по своему усмотрению направлять деятельность ученых, которых оно вырастило».³⁰ Отмахнулись и от напоминаний Резерфорда, что задержка Капицы «скажется негативно на отношениях между Англией и СССР».³¹ Полномочный представитель СССР в Англии И. М. Майский объяснил Резерфорду, что Советское правительство планирует «распределение трудовых ресурсов, включая и распределение научных работников», и в свете усилий по выполнению Второго пятилетнего плана стало «необходимым использовать для научной деятельности внутри страны всех тех ученых — советских граждан, которые до настоящего времени работали за границей».³² На том же заседании Политбюро, по данным А. А. Жидковой, было принято решение отказаться от использования рокфеллеровских стипендий.³³

В условиях начинавшегося террора и отсутствия подлинной информации интеллектуальная элита вынуждена была перенимать представления и установки партийно-государственного руководства по отношению к иностранцам. Как писал Константин Симонов:

Они влезают к нам под кровлю,
За каждым прячутся кустом,
Где не с мечами — там с торговлей,
Где не с торговлей — там с крестом.³⁴

Немногие сохранили трезвый критический взгляд на происходящее, но и они вынуждены были воздерживаться от публичных заяв-

²⁹ Жидкова А. А. Из истории международного научного сотрудничества в 1920-1930-е годы: стипендиаты зарубежных фондов, ставшие членами Академии наук // Российская Академия наук. 275 лет служения России. М., 1999. С. 367.

³⁰ Академия наук в решениях Политбюро. С. 160.

³¹ Там же. С. 161.

³² Петр Леонидович Капица. Воспоминания. Письма. Документы. М., 1994. С. 383.

³³ Жидкова А. А. Из истории международного научного сотрудничества. С. 367.

³⁴ Симонов К. Ледовое побоище // Собр. соч. М., 1979. Т. 1. С. 367.

лений. Удивительнее, что самые убежденные противники большевиков все чаще высказывались созвучно официальным идеологам. Так, Вернадский писал, что в странах Запада столь же мало реальной демократии, как в СССР.³⁵ Он же писал, что все положительное в идеологии «здесь», в странах западной демократии, — это положительное «проявляется не в тех группах, которые ведут и делают политику».³⁶ Он полностью поддерживал внешнеполитические действия властей, вытекающие из тайного сговора Сталина с Гитлером в 1939 г. Так, присоединение западных областей Украины и Белоруссии оценивалось им как восстановление законных границ России. В дневнике появляется запись: «...политика Сталина—Молотова реальная, и мне кажется правильной государственной политикой».³⁷ Таким образом, немецкая угроза заставляла спланировать старую интеллектуальную элиту вокруг правительства.

Осознавая, что в годы «великого перелома» во всех слоях общества росла ненависть к большевикам, Вернадский не видел политической силы, способной им противостоять. Более того, он считал интересным направление отнятых у народа огромных капиталов на «государственно-научное строительство», усматривая в этом «провозвестник будущего».³⁸ Неудачи же усматривались им скорее в неправильном подборе кадров по благонадежности, а не по таланту и знаниям. Он воздерживался от однозначных суждений о коллективизации, массовых ссылках, арестах и даже допускал, что жестокие действия властей могут привести «к созданию нового мощного источника материальных благ и их более правильного распределения между населением».³⁹

Большевики, заменившие риторику пролетарского интернационализма и классовой борьбы идеями государственности, национализма и патриотизма, воспринимались Вернадским совершенно иначе, чем в 1920-е гг. Нравился ему и лозунг о преобразовании СССР в мировой научный центр. С превращением Советского Союза в преемника идеологии Российской империи Сталин выступает в его письмах и дневниках как «настоящий государственный деятель. И сила — и ответственная, и действенная — указанного человека выше средней головки правящей другими государствами».⁴⁰ Положительно оценива-

³⁵ Вернадский В. И. Дневник 1939 г. // Дружба народов. 1992. № 11-12. С. 32.

³⁶ Там же. С. 65.

³⁷ Там же. С. 21.

³⁸ Пять «вольных» писем В. И. Вернадского сыну / Публ. К. К. // Минувшее: Ист. альманах. Paris, 1989. Вып. 7. С. 427.

³⁹ Week-end в Болшево, или Еще раз «вольные» письма академика В. И. Вернадского / Публ. и комм. М. Ю. Сорокиной // Минувшее. СПб., 1998. Вып. 23. С. 301.

⁴⁰ Там же. С. 335.

ется им деятельность и других руководителей, которые, захватив власть, «не обогащаются лично или семейно».

Вернадский отмечает «огромный положительный сдвиг»⁴¹ в образовании, экономике, снабжении населения продовольствием после 1933-1934 гг., когда «люди умирали с голоду и было людоедство». Понимая, что источник этих изменений — рабский труд миллионов заключенных, Вернадский пишет сыну, что «часть работы заключенных государственно нужна» и что благодаря массовым репрессиям «подняты наверх и могут легче проявляться новые социальные и интеллектуальные силы народных масс. А эти силы большие и здоровые».⁴² Не находя слов сочувствия к репрессированным коммунистам в Академии наук и в руководстве Ленинграда, он в действиях их палачей усматривает не только садистские наклонности, но и моральную чистоту главы испанской инквизиции Т. Торквемады. Больше всего он теперь опасается, что внешние силы попытаются разрушить «коммунистическое русское по существу государство» или заставят свернуть с курса «созидательной работы, который жизненно необходим для страны, на который стал Сталин и с которого свернуть нельзя без больших потрясений».⁴³

Именно эти годы стали временем расцвета «научной империи» Вернадского. Он начинает, по словам Л. С. Берга, в своем лице представлять «всю Академию». Сам он одновременно числится в трех отделениях Академии наук (геолого-географическом, химическом, физико-математическом), а руководимая им Биогеохимическая лаборатория была приписана к Биологическому отделению. Среди его учеников десятки «маститых» ученых — академиков, членов-корреспондентов, докторов наук, еще многим кандидатам и лаборантам предстоит стать ими. Не удивительно, что в разгар массовых репрессий, в 1938 г., Вернадский пишет о созвучии своих идей о ноосфере научному социализму К. Маркса и Ф. Энгельса, а октябрьская революция стала для него событием геологического масштаба, ознаменовавшим «начало перехода к государственному строю сознательного воплощения ноосферы».⁴⁴ В то же время Вернадский не переставал бороться с попытками как-то ограничить свободу его научного творчества, используя все возможности для преодоления гнета Главлита.⁴⁵

Резкая смена политико-идеологических приоритетов коренным образом повлияла даже на Павлова, который отмечал исчезновение лозунгов об интернационализме и всемирной революции, уступив-

⁴¹ Там же.

⁴² Там же. С. 337.

⁴³ Там же. С. 341.

⁴⁴ Вернадский В. И. Философские мысли натуралиста. М., 1988. С. 502.

⁴⁵ Мочалов И. И. В. И. Вернадский и Главлит // ВИЕТ. 1999. № 2. С. 150-163.

ших место милым ему идеям государственности, патриотизма, подкрепляемыми примерами из российской истории. Все его поведение во время XV Международного конгресса физиологов, проводимого летом 1935 г. в Ленинграде, свидетельствовало о принятии им советской власти. Он поверил в удачу советского эксперимента, для которого в 1918 г. не желал жертвовать даже лягушкой, и теперь заявлял: «...Мы должны одобрять и поддерживать борьбу нашего правительства за мир».⁴⁶ Для Павлова оно уже было его правительством, со всеми свершенными им преступлениями, ошибками и достижениями. Он уже не терпит антисоветские шутки и анекдоты в своей среде и выговаривает рассказчикам: «Тот негодай, кто хулит собственное правительство, когда родина в опасности».⁴⁷

Непреклонный критик большевиков отныне поднимал бокал и пил «за единственное правительство в мире, которое так ценит науку и горячо ее поддерживает».⁴⁸ Он не раз отмечал успехи в индустриализации страны, в укреплении Красной Армии перед лицом надвигающейся фашистской угрозы. И Бухарин имел все основания написать 28 февраля 1935 г. в «Известиях»: «Павлов наш целиком, и мы его никому не отдадим».

Действия властей поддерживались многими молодыми выдающимися учеными. Так, насильно оставленный в СССР П. Л. Капица был готов в начале 1935 г. «случить Академию с жизнью, с Соц. реконструкцией»⁴⁹ и утверждал: «Долг каждого ученого, сочувственно относящегося к социалистическому строительству, стараться найти для науки место в современной жизни и доказать свою необходимость».⁵⁰ Он прекрасно понимал, что осуществить это нелегко, так как академики, с одной стороны, явно не желали реформироваться, а, с другой стороны, для советского правительства, как и для «большинства правительств мира, наука выше их [понимания], они не умеют отличить знахарей — от докторов, шарлатанов — от изобретателей и фокусников и черных магов — от ученых» и посему должны «полагаться всецело на чужое мнение».⁵¹

Следует заметить, что для советских властей отличить науку от ненауки было особенно трудно, так как в среде партийно-государственной элиты неуклонно снижалось число образованных людей. Начиная с декабря 1934 г. по февраль 1941 г. в составе Политбюро

⁴⁶ Интервью И. П. Павлова // Известия. 1935. 18 авг.

⁴⁷ *Самойлов В. О. Эволюция политических взглядов И. П. Павлова // И. П. Павлов. Pro et contra. СПб., 1999. С. 681.*

⁴⁸ *Павлов И. П. Полн. собр. соч. М.; Л., 1951. Т. 1. С. 15.*

⁴⁹ *Рубинин П. Е. Свободный человек в несвободной стране. К 100-летию со дня рождения академика П. Л. Капицы // Вестн. РАН. 1994. Т. 64. № 6. С. 501.*

⁵⁰ *Капица П. Л. Письма о науке. М., 1989. С. 38.*

⁵¹ *Рубинин П. Е. Свободный человек... С. 502.*

ЦК ВКП(б) не было ни одного человека с законченным высшим образованием, а среди секретарей обкомов, окружкомов, горкомов и райкомов число лиц с высшим образованием колебалось в пределах 1-16%.⁵² За экспертными же оценками к специалистам, столь обычными в 1920-е гг., практически обращаться перестали. Да и в обстановке непрерывного террора сама Академия наук, по словам П. Л. Капицы, воспринималась как «такой кавардак из перепутанных и запутавшихся академиков, что вообще они не знают, что им делать. И оценку нашей науки и наших ученых ищут на западе».⁵³ Не найдя понимания в академической среде, Капица взял на себя роль просветителя властей, бомбардируя высшие эшелоны власти планами о том, как лучше использовать науку в деле социалистического строительства.

Даже Н. И. Вавилов, который в середине 1936 г. подвергся беспрецедентной травле, отверг попытки западной прессы встать на его защиту: 22 декабря 1936 г. в «Известиях» появилась его телеграмма в «Нью-Йорк таймс», сообщившей незадолго до этого об аресте Вавилова. В ней заграничная пресса обвинялась в систематическом распространении лжи («о советской науке и советских ученых, добросовестно работающих на дело социализма»). Вавилов заявлял о полной свободе научного творчества в СССР, об исключительном внимании руководителей партии и правительства к нуждам ученых, «об огромном прогрессе науки в советское время». Он указывал, что возглавляемый им ВИР насчитывает сейчас 1700 человек, увеличившись за годы советской власти почти в 30 раз. В заключение Вавилов заявлял: «Как верный сын Советской страны, я считаю своим долгом и счастьем работать на пользу моей родины и отдать самого себя науке в СССР».

Что же в этих условиях говорить об умонастроениях и поступках части интеллектуальной элиты, воспитанной после революции в духе преданности марксизму как единственно верной доктрине! Их взгляды, скрепленные беспощадной партийной дисциплиной, послушно следовали за эволюцией мировосприятия политической элиты. Официально насаждаемые идеологемы подкреплялись и личным опытом, и знанием о тяжелом положении науки в веймарской Германии, в годы Великой депрессии в США, когда наука была посажена на голодный паек, и тем более о нацистских преследованиях немецких ученых после прихода Гитлера к власти.⁵⁴

Таким образом, восприятие действительности как арены борьбы между силами добра (прогресса в лице коммунистического движения и его оплота — СССР) и миром зла (реакционные страны империа-

⁵² Хлевнюк О. В. 1937-й: Сталин, НКВД и советское общество. М., 1992. С. 78.

⁵³ Рубинин П. Е. Свободный человек... С. 502-503.

⁵⁴ Гиццберг Л. И. Под пятой тоталитаризма. Наука в фашистской Германии // Вестн. РАН. 1993. № 7. С. 640-646.

лизма), где победа добра исторически predetermined, стало характерно и для значительной части научного сообщества. Многие его члены согласились, что для достижения единой общенациональной цели — превращения СССР в лидера «прогрессивного» человечества — оправдана и единая жестко централизованная партия, харизматический вождь, террор как средство мобилизации населения на выполнение заявленных планов. Здесь же формировалось и представительство о сакральном характере границы как механизма, сдерживавшего враждебное влияние. Отсюда стремление «держать границу на замке» как на «входе», так и на «выходе», что применительно к науке означало прервать международные контакты, запретить публикации за рубежом, оградить себя от тлетворного влияния Запада, защитить свою культуру. Свертывалось сотрудничество с немецкими инженерами и конструкторами в области авиации.⁵³ Всячески эксплуатировался тезис о СССР как острове стабильности в шквале социально-политических и экономических кризисов, сотрясавших страны капитала. В пропаганде использовался реальный подъем жизненного уровня к середине 1930-х гг. по сравнению со страшным голодом в период коллективизации и первых лет индустриализации. Культивировался образ СССР как самой могущественной силы на международной арене.

Недопустимыми становились ходившие в 1920-х гг. представления о научно-технической и культурной отсталости России.⁵⁶ С окончанием «культурной революции» стали говорить о громадных успехах в области культуры вообще и политической культуры в частности. Затем стали подчеркивать опережение зарубежных стран в литературе, кино, театре, музыке, педагогике и медицине. А накануне войны, в 1941 г., в журнале «Большевик» уже было заявлено, что «промышленность СССР перегнала главные капиталистические страны по уровню техники».⁵⁷ Начиная с «культурной революции» вплоть до Великой Отечественной войны у подавляющего большинства научного сообщества «...позитивный образ Запада тускнел и терял свою притягательность» под воздействием пропаганды, стабилизации внутреннего положения, относительного роста уровня жизни и смены поколений.⁵⁸ Информационная изолированность и беспощадное искоренение всяких поползновений к инакомыслию закрепляли эту тенденцию в общественном менталитете.

Его проявлением стало и изобретение неких отечественных школ типа «мичуринской биологии», «павловской физиологии», «докучаев-

⁵⁵ *Соболев Д. А.* Немецкий след в истории советской авиации. М., 1996. С. 4.

⁵⁶ *Голубев А. В.* Запад глазами советского общества. С. 104-119.

⁵⁷ *Никитин В., Русаковский Е.* Техника в СССР // Большевик. 1941. № 9. С. 29.

⁵⁸ *Голубев А. В.* Запад глазами советского общества. С. 117.

ского почвоведения», «бутлеровского учения». В научном сообществе эти школы служили, как отметил академик Л. А. Арцимович, «для того, чтобы, пользуясь именами выдающихся ученых, прикрыть себя от критики и иметь возможность устрашать инакомыслящих».⁵⁹ Назначаемые в верхах новоявленные корифеи советской науки, прикрываясь фамильными знаменами, освященными там же, стремились монополизировать целые отрасли науки. Для них решениями Политбюро строились дачи, обеспечивались заграничные поездки на лечение, устанавливались сверхвысокие оклады. Так, 22 ноября 1936 г. Политбюро учредило персональные оклады в 3000 рублей для особо выдающихся академиков, определяемых СНК СССР. Тем же решением существенно поднималась зарплата и других научных сотрудников АН СССР.

В условиях нагнетаемой ксенофобии любое внимание к зарубежным работам и публикациям в иностранных журналах вызывало подозрение и оценивалось в лучшем случае как отсутствие советского патриотизма, но чаще всего как шпионаж. В различных научно-исследовательских институтах организовывались «прения» о «связи научной теории и практики, о месте и положении науки в социалистическом обществе, о чести и достоинстве советского человека», на которых, по словам «Правды», «старых академиков и советскую молодежь» объединяло «гордое сознание силы, свободы и независимости науки в советской стране».⁶¹

Международная изоляция отнюдь не была навязана всему научному сообществу властями. Она, как отметил Д. А. Александров, складывалась при участии многих факторов, и усиливающаяся с середины 1930-х гг. тенденция к автаркии государства была лишь одной из детерминантов нарастающей «научной автаркии», которая «началась с естественного стремления к самодостаточности и была следствием силы отечественного научного сообщества».⁶² Новые лидеры новых для России научных дисциплин желали, чтобы у национального сообщества было свое лицо и свои печатные издания, представляющие его. Они с энтузиазмом создавали журналы на русском языке, представлявшие отечественную науку в соответствующих отраслях знания в концентрированном виде, а не разбросанной «по задворкам заграничных изданий».⁶³ В биологии это были

⁵⁹ Первая публичная отповедь членов АН СССР Т. Д. Лысенко // Вестн. РАН. 1994. Т. 64. № 12. С. 1107.

⁶⁰ Академия наук в решениях Политбюро. С. 247-249.

⁶¹ Достоинство советской науки // Правда. 1936. 6 авг.

⁶² Александров Д. А. Почему советские ученые перестали печататься за рубежом: становление самодостаточности и изолированности отечественной науки, 1914-1940 // ВИЕТ. 1996. № 3. С. 22.

⁶³ Академик Алексей Алексеевич Заварзин / Сост. А. А. Заварзин, В. А. Отеллин. М., 1994. С. 17.

лидеры генетики, физиологии, экспериментальной биологии, эволюционной теории (Н. К. Кольцов, И. П. Павлов, Л. А. Орбели, Н. И. Вавилов, Ю. А. Филипченко, И. И. Шмальгаузен), в физике С. И. Вавилов, А. Ф. Иоффе, Д. С. Рождественский, в математике П. С. Александров, А. О. Гельфонд, Л. А. Люстерник, Л. С. Понтрягин, О. Ю. Шмидт.

Фактически в 1930-х гг. сложившаяся политическая конъюнктура позволяла реализовать силовым образом одно из требований борцов за «обрусение» российской науки, выдвинутое еще в 40-х гг. XVIII в., — печатать научные труды на русском языке. Это стало со временем серьезной национальной проблемой, источником откры-тых и закулисных столкновений.⁶⁴ Почти двухвековая борьба с за-сильем иностранцев в российской науке и печатание трудов на рус-ском языке нередко будоражили не только ученых, но и все россий-ское общество, поднимая волну патриотизма и ксенофобии, как это было в случае с избранием в Академию наук Д. И. Менделеева.⁶⁵ О. А. Валькова недавно показала,⁶⁶ что с начала XIX в. вопрос о том, на каком языке издавать научные издания российских ученых, был предметом постоянных дискуссий в России, так как затрагивал цен-ностные ориентации научного сообщества, в том числе определение конечных целей и задач научных исследований, их моральных аспек-тов, ориентацию на определенный круг потребителей, осознание сво-его места в научном мире, национальное чванство и т. д. Публикация на русском языке в некотором смысле была актом пожертвования учеными международного признания в просветительских и патри-отических целях.

⁶⁴ *Kolchinsky E., Smagina G. I. Zur Rolle der deutscher Wissenschaftler bei der Entwicklung der Biologie in Russland // Europa in der Frühen Neuzeit. Fortschritt für Günter Mühlpfordt. Bd. 3. Aufbruch zur Moderne. Weimar; Köln; Wien, 1997. S. 293-312; Кузнецова Н. И. Социально-культурные проблемы формирования науки в России (XVIII—середина XIX в.). М., 1997; Трохачев Ю. С. Немцы и русские в Академии наук первых лет XIX в. // Немцы в России. Петербургские немцы. СПб., 1999. С. 92-98; Романовский С. И. «Обрусение» российской науки как национальная проблема // ВИЕТ. 1999. № 3. С. 43-56; Колчинский Э. И., Смагина Г. И. «Принцип основателя» и становление академической биологии // Журн. общ. биологии. 1999. Т. 60. № 5. С. 469-487; Старостин Б. А. Петербургская Академия наук в поисках национальной самоидентификации // Российская Академия наук. 275 лет служения России. М., 1999. С. 259-321.*

⁶⁵ *Бутлеров А. М. Русская или только Императорская Академия наук в Санкт-Петербурге? // Соч. М., 1958. Т. 3. С. 118-138; Менделеев Д. И. Какая же Академия нужна в России? // Новый мир. 1966. № 12. С. 177-191. Блестящий анализ всех сложных факторов, действовавших в момент баллотировки Д. И. Менделеева, дан в статье И. С. Дмитриева «Скучная история» (ВИЕТ, 2002. № 2. С. 231-280).*

⁶⁶ *Валькова О. А. Язык фундаментальной науки в России // Российская Академия наук. 275 лет служения России. С. 332-334.*

В 1874 г. А. М. Бутлеров возмущался, что «все петербургские химики начали опять публиковать свои работы в иностранных журналах и даже раньше, чем на русском языке». ⁶⁷ Стремление иметь свои научные журналы и свои профессиональные общества захватило практически все отрасли российской науки. Это стало просто жизненно необходимым с началом Первой мировой войны, закрывшей для русских ученых возможность публиковаться в немецких журналах. В 1916 г. Н. К. Кольцов подчеркивал, что стремление иметь сеть собственных национальных журналов диктуется отнюдь не узким национализмом, а желанием привлечь к научной работе «великие силы, таящиеся в русском народе». ⁶⁸

К середине 1930-х гг. отечественная наука стала самодостаточной, и ее лидеры, встроившиеся в государственную систему и получившие мощную правительственную поддержку, не слишком нуждались в международном признании. Составленные Д. А. Александровым графики отчетливо показывают, что доля публикаций на иностранных языках в продукции советских ученых неуклонно снижалась, и эта тенденция была характерна для всех основных отраслей знания. ⁶⁹ Причем политические репрессии и нежелание публиковаться в немецких журналах после прихода к власти фашистов отнюдь не были главными причинами нарастающего изоляционизма. Так, например, резкий спад в «немецких» публикациях советских физиков «в абсолютных цифрах идет с начала 1930 г.». ⁷⁰ Фактически он пришелся на разгар «культурной революции», когда во многих отраслях старая профессура была сильно потеснена, а пришедшие ей на смену «пролетарские кадры» иностранными языками не владели, прочных контактов с зарубежными коллегами не имели и компенсировали это социалистическим патриотизмом и ненавистью к «буржуазной науке».

Вспышка патриотизма как любви к социалистическому отечеству была острой реакцией эгалитарных низов на длительную социально-экономическую и культурную европеизацию России. ⁷¹ Изолированность СССР и ее населения от западных стран стала способом «консервации отсталости России», а власть использовала с максимальной эффективностью ненависть низших классов к дифференци-

⁶⁷ Письма русских химиков к А. М. Бутлерову // Научное наследие. М., 1964. Т. 4. С. 272.

⁶⁸ Кольцов Н. К. Ученые общества и научные журналы в России // Природа. 1916. № 2. С. 253-254.

⁶⁹ Александров Д. А. Почему советские ученые перестали печататься... С. 6-7.

⁷⁰ Там же. С. 12.

⁷¹ Струве П. Б. Социальная и экономическая история России с древнейших времен до нашего в связи с развитием русской культуры и ростом российской государственности. Париж, 1952. С. 19.

рованными формам социально-культурного и политико-экономического бытия.

«Центр мировой науки»

Решающую роль в стабилизации советской науки сыграли события 1934-1936 гг., когда после переезда АН СССР в столицу она провозглашается штабом советской науки, а Москва — центром мировой науки. Перемещение Академии наук шло в рамках установления жесткой централизации во всех сферах экономической и культурной жизни, которая должна была дополнить уже существовавшую политическую и государственную централизацию. Власти считали, что в Москве будет легче контролировать каждый шаг Академии наук, и эффективнее ее использовать для разработки и реализации экономических и хозяйственных планов. С их стороны это был логичный шаг, завершавший превращение Императорской Академии наук, действительные члены которой до революции обязательно проживали в столице Российской империи — Петербурге, в АН СССР как общегосударственный центр научных исследований, расположенный в столице СССР. До 1934 г. в Москве почти не было академических учреждений, и руководители страны, добившись преобладания академиков-москвичей после выборов 1932 г., посчитали, видимо, что настало время «гору привести к Магомету», тем более что в годы «культурной революции» в Москве сформировался мощный комплекс научно-исследовательских институтов преимущественно прикладного характера.

Характерно, что на этот раз правительство не советовалось с академическим сообществом, оставив на долю академиков лишь право одобрить правительственное решение и сердечно благодарить за него. Даже сам Киров узнал о предстоящем переводе Академии наук из газет. Тем не менее академики не замедлили с одобрением. Н. И. Вавилов оценил это следующим образом: «Перевод академии в Москву — это создание новой сильной базы исследовательской работы по всей Советской стране». ⁷² По мнению В. И. Вернадского, он должен стать «...не простым переселением из одной столицы в другую, а развертыванием по новому и широкому плану научной организации Академии, концентрирующей научную мысль и научную мощь Союза». ⁷³ Ученые-коммунисты и руководители наркоматов и главков (Главнефть, Главуголь, Главторф и т. д.) единодушно приветствова-

⁷² За социалистическую науку. 1934. 30 апр.

⁷³ Цит. по: Мочалов И. И. В. И. Вернадский (1863-1945). М., 1982. С. 283.

ли переезд АН СССР и ждали теперь в свои коллегии академиков из Ленинграда.⁷⁴

Решение о переходе Академии наук в подчинение СНК, как выяснил В. Д. Есаков,⁷⁵ было принято на заседании Политбюро 25 ноября 1933 г. и затем уже оформлено постановлением ЦИК СССР от 14 декабря 1933 г. В нем отмечалось, что это делалось для укрепления связи работы Академии наук с социалистическим строительством и ее сотрудничества с наркоматами и Госпланом.⁷⁶ Эти решения были приняты накануне XVII съезда ВКП(б), на котором Сталин объявил победу социализма.

К тому времени Москва уже стала ведущим центром страны, и естественно было желание властей превратить ее в один из главных центров мировой культуры. 25 апреля 1934 г. Политбюро ЦК ВКП(б) утвердило проект постановления СНК СССР «О переводе Академии наук в Москву» в «целях дальнейшего приближения всей работы Академии наук к научному обслуживанию социалистического строительства».⁷⁸ Это постановление «отражало претензии сталинского руководства на лидирующее положение в мире, на пропагандистское провозглашение побеждавшему социализму роли подлинного носителя мирового прогресса».⁷⁹ Перевод Академии наук в столицу «первого в мире социалистического государства» означал концентрацию здесь лучших научных сил страны. Для обеспечения этого была принята серия постановлений Политбюро ЦК ВКП(б) о порядке размещения в Москве АН СССР и Всесоюзного института экспериментальной медицины (ВИЭМ), об обеспечении переводимых институтов помещениями, а их сотрудников жилищно-административными, об отпуске из резервного фонда СНК СССР денег на переезд, о приспособлении помещений к научной деятельности и монтаже оборудования, о выделении дополнительной инвалюты для закупки импортного оборудования и иностранной литературы и т. д.⁸⁰

Уже 26 июня 1934 г. в Москве состоялось первое заседание Президиума АН СССР, а к концу 1934 г. большинство академических учреждений и 300 высококвалифицированных специалистов переехало в столицу. Для нужд Академии в районе Большой Калужской было развернуто новое строительство. Был заложен и «первый камень

⁷⁴ Фронт науки и техники, 1934. № 5/6.

⁷⁵ Есаков В. Д. Штаб советской науки меняет адрес // Вестн. РАН. 1997. Т. 67. № 9. С. 840-848.

⁷⁶ СЗ СССР. 1933. № 73. Ст. 444.

⁷⁷ Академия наук в решениях Политбюро. С. 141.

⁷⁸ СЗ СССР. 1934. № 22. Ст. 175.

⁷⁹ Есаков В. Д. Переезд Академии наук в Москву // Москва научная. М., 1997. С. 457.

⁸⁰ Академия наук в решениях Политбюро. С. 141, 143-159, 164-165, 170-171, 178-179, 189-191, 195-196.

будущего грандиозного здания академии — истинного дворца науки».⁸¹ Некоторый дискомфорт ощущался лишь от упорного нежелания президента Академии наук А. П. Карпинского перебраться в Москву.⁸² Это позволяло и некоторым другим академикам, не желавшим менять сложившийся стиль жизни, затягивать переезд, и создавало впечатление молчаливого протеста, о чем сигнализировал Л. М. Кагановичу и В. М. Молотову председатель правительственной комиссии З. М. Беленький. На заседании Политбюро 28 октября 1934 г. Н. И. Бухарину было поручено «выехать в Ленинград для переговоров с президентом Академии Карпинским о его переезде в Москву».⁸³ Переговоры были, видимо, нелегкими, но в конечном итоге в августе 1935 г. Карпинский поселился в Москве.

Перевод академических учреждений был связан со многими трудностями. Большинство ее сотрудников родились, выросли, получили образование и сформировались как ученые в Петербурге. Теперь они вынуждены были выехать из родного города, оставить привычное место работы и жительства, сменить устойчивый быт. И хотя ученые переезжали сложившимися коллективами, не все из них смогли сразу войти в новый ритм жизни, психологически адаптироваться к новым условиям труда и быта.

С переездом Академии наук начинается расширение ее административных полномочий, она превращается в некое правительственное ведомство, обладающее властью и влияющее на государственную научную политику. Ее издательская деятельность и число периодических журналов не только не сокращается, но, напротив, неуклонно растет, несмотря на начало массовых репрессий. Хотя Ленинград утратил роль главного центра академической науки, решение правительства по ряду причин оказалось выполненным далеко не полностью.⁸⁴ К началу 1941 г. в городе еще было 33 академических учреждения. Здесь жили и работали 39 академиков и 60 членов-корреспондентов, т. е. более трети от общего их количества. 15 июня 1935 г. Президиум АН СССР принял постановление об организации в Ленинграде «Временной комиссии Президиума Академии по заведованию ленинградскими учреждениями с задачами наблюдения за выполнением решений Президиума и помощи им в разрешении вопросов их работы». Годом позже была введена должность уполномоченного Президиума по ленинградским учреждениям АН СССР, на которую назначили юриста-марксиста Е. Б. Пашукина, позднее погибшего в лагерях.

⁸¹ Князев Г. А. Краткий очерк истории Академии наук СССР. М.; Л., 1945. С. 76.

⁸² Романовский С. И. Александр Петрович Карпинский. 1847-1936. Л., 1981.

⁸³ Есаков В. Д. Штаб советской науки меняет адрес. С. 840-848.

⁸⁴ Кольцов А. В. Ленинградские учреждения Академии наук СССР в 1934-1945 гг. СПб., 1997. С. 74-75.

Географическая близость Академии наук к властным структурам символизировала, что отныне вся ее работа посвящена обслуживанию нужд социалистического строительства и находится под повседневным контролем партийно-государственного аппарата. Не только основополагающие, но и второстепенные вопросы, будь то заграничная командировка или восстановление в списках академиков, решалась в Кремле. Так, только после пяти лет непрерывных хлопот и писем Е. В. Тарле в адрес В. М. Молотова и И. В. Сталина и соответствующей резолюции членов Политбюро 28 сентября 1938 г. Общее собрание АН СССР восстановило его в правах своих действительных членов.⁸⁵

Перевод Академии наук в Москву завершил ее огосударствление. Оценивая это событие, А. Н. Бах прямо указывал его мотивы: «Академия наук должна быть в тесном непосредственном контакте с правительством и иметь пребывание в Москве как правительственном центре». Это, по мнению Баха, обещало грандиозные перспективы ее развития.⁸⁶ Переезд Академии наук означал окончательное торжество новой модели науки в рамках сталинской культуры. Маргинальная московская культура становится доминирующей, прежняя столичная культура — провинциальной. Диалог двух культур — национальной и интернациональной — приобретал все новые и новые оттенки.

Знаковым событием в превращении АН СССР в «министерство науки» стало создание здесь в 1935 г. Отделения технических наук, в котором еще несколько лет основными организационными формами научно-технических исследований были секции, группы и комиссии.⁸⁷ 8 мая 1938 г. СНК СССР принял постановление «О плане АН СССР», побудившее Президиум АН СССР приступить к перестройке Отделения технических наук. В октябре 1938 г. Общее собрание решило на базе прежних групп создать институты по комплексным направлениям научно-технических исследований. В состав ОТН вошли как ранее существовавшие, так и вновь созданные институты: Энергетический институт, Институт горючих ископаемых, Государственный радиевый институт, Институт металлургии, Институт механики, Институт машиноведения, Институт автоматики и телемеханики. Помимо этого в состав ОТН входили комитеты и комиссии по разработке крупных комплексных проблем техники. ОТН было поручено координировать деятельность не только академических, но также отраслевых и вузовских организаций, занятых проблемами научно-тех-

⁸⁵ Есаков В. Д. Три письма Е. В. Тарле вождям (1934-1938 гг.) // Отечественная история. 1999. № 6. С. 106-111.

⁸⁶ Фронт науки и техники. 1934. № 5/6. С. 143.

⁸⁷ Козлов Б. И. Вклад Академии наук в индустриализацию России // Вестн. РАН. 2000. Т. 70. № 12. С. 1059-1068.

нического обеспечения народного хозяйства. Учреждения АН СССР стали играть все большую роль в разработке научных проблем военной техники и ее внедрении в производство, а оборонная тематика прочно укоренилась в академических планах. Переезд АН СССР связан с началом планомерных работ в области ракетной техники. Была создана при Физическом институте АН постоянная Комиссия по освоению стратосферы во главе с С. И. Вавиловым, а также два общественных стратосферных комитета, где активную роль играл С. П. Королев. В Москве был организован также Реактивный научно-исследовательский институт, организовавший в марте 1935 г. Всесоюзную конференцию по применению реактивных летательных аппаратов для освоения стратосферы, участники которой впоследствии пострадали во время репрессий. В годы войны ученые АН СССР участвовали в усовершенствовании ракетных систем залпового огня — «катюш», созданных в РНИИ под руководством А. Г. Кости́кова.⁸⁸

За мощную финансовую поддержку со стороны государства АН СССР должна была платить потерей академических свобод, введением системы жесткого планирования и усилением бюрократического управления. Воспроизводство академической элиты шло под неусыпным контролем партийных структур.⁸⁹

В соответствии с Уставом 1935 г. действовала многоступенчатая система выдвижения и выборов, когда кандидат должен был получить одобрение экспертной комиссии, две трети голосов на отделении и половину голосов Общего собрания. Это позволяло корректировать выборы на каждом этапе, если на предыдущем результаты были неудовлетворительны по тем или иным соображениям.

В декабре 1935 г. Политбюро подвело итог многолетней конкуренции АН СССР и Комакадемии, приняв принципиальное решение о ликвидации последней. Для этого была создана комиссия во главе с А. А. Андреевым. В постановлении ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 7 февраля 1936 г. отмечалась нецелесообразность «параллельного существования двух академий» и предлагалось передать учреждения, институты и основных работников Комакадемии в АН СССР. В записке заведующего Отделом науки, научно-технических изобретений и открытий К. Я. Баумана подчеркивался низкий уровень теоретической работы Комакадемии, оторванной от запросов практики и от других научных учреждений страны. В этих условиях ее даль-

⁸⁸ Анфимов Н. А., Бирюков Ю. В. Вклад Российской Академии наук в развитие ракетной техники и космонавтики // Вестн. РАН. 2000. Т. 70. № 1. С. 14-20.

⁸⁹ Korenjuk N. Die Akademie der Wissenschaften der UdSSR als elitäre Korporation // Im Dschungel der Macht: Intellektuelle Professionen unter Stalin und Hitler / Hg. D. Beyrau. Göttingen, 2000. S. 65-84.

нейшее сохранение означало бы усиление «замкнутости и изоляции узкого круга коммунистических кадров научных работников». Основная часть ее учреждений была включена в состав АН СССР. При этом предполагалось, что некоторые переводимые «комакадемики» должны были стать действительными членами и членами-корреспондентами АН СССР. Против подобных действий протестовал даже К. Радек, планируемый в академики. В письме И. В. Сталину от 2 февраля 1936 г. Радек предупредил: «За малым исключением, наши комакадемики очень мало знают... Если они хотят воздействовать на стариков, сидящих в Академии наук, то им надо подучиться, подготовить конкретные доклады, а не шеголять только тем, что Маркс и Ленин были умнее всех буржуазных ученых».⁹⁰

Вливание в АН СССР всего блока общественных дисциплин от политэкономии до философии означало окончательный перевод ее в статус правительственной организации, которая отныне должна была научно разрабатывать принципы планирования «для всей социальной сферы».⁹¹ Научное сообщество стало номенклатурным сословием, все стадии вхождения в которое — от поступления в аспирантуру до занятия высших должностей — шли под контролем партийных органов. В то же время, как показали дальнейшие события, огосударствление науки в конечном счете таило угрозу самому государству, несовместимость идеологии которого с наукой и архаичность тоталитарного управления становились все более и более очевидными.

В 1938 г. закрывается ИКП, а различные марксистские научные общества еще раньше прекратили свое существование. Взамен их создаются все новые и новые академические институты, расширяется сеть филиалов и баз в национальных республиках СССР. К 1941 г. численность академических учреждений достигла 200. Общее количество сотрудников в АН СССР увеличилось с 2236 в 1932 г. до 10 282. В штаты академических учреждений все в большем количестве зачислялись ученые, ранее работавшие в отраслевых институтах, на производстве, в вузах, а также выпускники высшей школы. С 1934 по 1941 г. в три с половиной раза увеличилась численность аспирантов (с 268 до 926). Кроме того, в учрежденной в 1936 г. докторантуре было 236 докторантов.

Трансформировалось само понятие «академическая наука», под которой скорее понималась ведомственная принадлежность, чем фундаментальность исследований. После выборов 1935 и 1939 гг. личный состав АН СССР насчитывал 5 почетных членов, 119 академиков и 182 члена-корреспондента. Среди них в результате нажима

⁹⁰ Академия наук в решениях Политбюро. С. 216, 217, 218, 226-227.

⁹¹ *Аксенов Г. П.* Академия наук и власть: третье столетие. Между истиной и пользой // Российская Академия наук. 275 лет служения России. М., 2000. С. 216.

властей оказались и люди, не только не создавшие серьезных трудов, но принесшие громадный ущерб развитию советской науки. Здесь достаточно вспомнить избранных в 1939 г. академиками А. Я. Вышинского и Т. Д. Лысенко, в то время как в партийной прессе была развернута разнузданная кампания против избрания выдающихся биологов Л. С. Берга и Н. К. Кольцова.⁹² Вышинский, будучи с 1935 г. генеральным прокурором СССР, сыграл зловещую роль в теоретическом «обосновании» и практическом осуществлении массовых репрессий и произвола властей.

Академия наук и ее руководители отныне стали главными посредниками между политическими лидерами и научным сообществом в целом. В этих условиях властям приходилось особенно беспокоиться об идеологической и политической лояльности ведущих ученых. На передний план выдвигались задачи контроля их связей с мировым научным сообществом, публикации в зарубежных изданиях, достижения наибольшей технической отдачи. Для эффективного контроля властям требовалось ослабить позиции некоторых, как им казалось, слишком авторитарных научных лидеров.

Выражением новой политики стало смещение в 1935 г. Н. И. Вавилова с поста президента ВАСХНИЛ. В новых условиях нужен был не ориентированный на Запад человек. Им стал член партии, заместитель наркома земледелия А. И. Муралов. Умершего 15 июля 1936 г. А. П. Карпинского на посту президента сменил В. Л. Комаров, активно сотрудничавший с властью с начала 1920-х гг. и сыгравший огромную роль в организации баз и филиалов АН СССР, вице-президентом которой он был с 1930 по 1936 г.

В 1929 г. в СССР имелись 1263 научных учреждения, в том числе 438 научно-исследовательских институтов, их филиалов и отделений, 120 научных станций, 705 прочих научных учреждений. В середине 1930-х гг. во многих наркоматах прошла волна сокращений и укрупнений институтов, и тем не менее к 1941 г. приведенные цифры, соответственно, возросли до 1821, 786, 507 и 528. Быстро росла численность отраслевых институтов, особенно тех, которые входили в систему военно-промышленного комплекса. Существенно расширилась сеть заводских лабораторий, так как заводская наука по-прежнему считалась многим идеальным вариантом соединения практических навыков стахановцев с научными знаниями для решения производственных задач.

К середине 1930-х гг. выяснилось, что организационное разделение науки и высшего образования пагубно сказывается на подготовке специалистов. Уже в 1933-1934 гг. был не только восстановлен ряд

⁹² Бах А. Н., Келлер Б. А., Коштыяц Х. С. и др. Лжеученым не место в Академии наук // Правда. 1939. 11 янв.

университетов, закрытых в годы культурной революции, но и созданы новые. В 1936 г. специальным постановлением ЦК ВКП(б) и СНК СССР вузам предписывалось развернуть научно-исследовательскую работу на кафедрах, обязать заниматься ею каждого преподавателя, отменить почасовую оплату их труда и ввести должностные оклады для профессорско-преподавательского корпуса.⁹³ Все университеты стали подчиняться Всесоюзному комитету по делам высшей школы СНК СССР, что вывело их из-под юрисдикции союзных наркомпросов и означало дальнейшую централизацию.росло число университетов с гуманитарными факультетами. Отменены ограничения при приеме в вузы, связанные с социальным происхождением, что означало возврат к традиционной форме конкурсного отбора. Для всех вузов были установлены единые сроки занятий.

13 января 1934 г. СНК СССР принял постановление «Об ученых степенях и званиях»,⁹⁴ в котором для всех научных и научно-педагогических работников устанавливались две научные степени — кандидата и доктора наук и по три научных звания в вузах и научно-исследовательских институтах. Для вузов — это ассистент, доцент, профессор, а для институтов — младший научный сотрудник, старший научный сотрудник и действительный член научно-исследовательского учреждения. Вводимая система аттестации научно-преподавательских кадров предусматривала периодическую отчетность, что позволяло руководству легко избавляться от неугодных. И, наконец, решением СНК СССР в ноябре 1937 г. предписывалось каждому преподавателю высшей школы состоять в штате только одного института, который был основным местом его работы и где он должен был отдавать все свое время выполнению учебных поручений и научных исследований. Таким образом, возврат к дореволюционным формам аттестации кадров сопровождался их приписыванием к одному учреждению, практической ликвидацией совместительства.

Вместе с тем, профессиональный уровень новых научных сотрудников далеко не всегда отвечал предъявляемым к ним требованиям. Все больший ущерб наносила и идеологизация науки, которая наиболее сильно сказалась в гуманитарных дисциплинах, жестко контролируемых в свете указаний партии, положений «Краткого курса истории ВКП(б)». Идеологизация все сильнее чувствовалась и в биологии, где усиливались нападки на генетиков и обнажалась зловещая суть «мичуринской биологии», возникшая в результате альянса Т. Д. Лысенко и И. И. Презента. В те годы раздавались обвинения в адрес А. Ф. Иоффе в отрыве ФТИ от практики. Осознание невозмож-

⁹³ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1985. Т. 6. С. 36.

⁹⁴ *Иванов А. Е.* Ученые степени в Российской империи XVIII в.—1917 г. М., 1994.

ности работать побуждало к эмиграции ученых, которые, казалось, давно смирились с советской властью. А. Е. Чичибабин объяснял 24 июня 1936 г. Н. П. Горбунову: «Отрыв от родины для меня тягостен.... И если я до сих пор не вернулся на родину, то лишь потому — позволю себе сказать совершенно откровенно, что мало верил в возможность найти для себя там обстановку, при которой я, в моем теперешнем состоянии, остающиеся немногие годы своей жизни мог бы провести в спокойной плодотворной работе».⁹⁵

Советский патриотизм и «научные» сессии 1936 г.

1936 г. был ознаменован серией специальных сессий, совещаний и дискуссий, призванных обеспечить выполнение задач, сформулированных партией перед научным сообществом. Прежде всего намечалось обсудить на сессии АН СССР вопросы истории, но по совету К. Радека этот замысел был оставлен, так как историки-марксисты были явно не подготовлены вести на равных дискуссию с историками-академиками.⁹⁶ Поэтому начало было положено мартовской сессией АН СССР, состоявшейся с 14 по 19 марта и посвященной обсуждению работ советских физиков.⁹⁷ Как было показано в исследованиях В. П. Визгина, выбор физики был не случаен.⁹⁸ Она представлялась властям особенно важной как научная основа техники и, соответственно, индустриализации страны и милитаризации промышленности. Здесь были лидеры, осознававшие особую государственную значимость своих исследований и отличавшиеся независимостью мышления.

Годом раньше на страницах первого номера журнала «Социалистическая реконструкция» за 1935 г. состоялась «философская дуэль» между М. П. Бронштейном и С. П. Шубиным, которая ясно показала, что с позиций диалектического материализма можно как опровергнуть, так и доказать закон сохранения энергии.⁹⁹ «Вскрывая буржуазную сущность» закона сохранения энергии, Бронштейн подчеркнул возможности вечного двигателя для коммунизма. Поэтому

⁹⁵ Чичибабин А. Е. Почему в СССР трудно быть ученым? // Вестн. РАН. 1993. Т. 63. №6. С. 521.

⁹⁶ Академия наук в решениях Политбюро. С. 226-227.

⁹⁷ Сессия Академии наук СССР 14-20 марта 1936 г. // Изв. АН СССР. ОМОН. Сер. физ. 1936. № 1/2. С. 5-409; Френкель В. Я. К 50-летию мартовской сессии Академии наук СССР (1936) // Чтения памяти А. Ф. Иоффе. Л., 1987. С. 63-86.

⁹⁸ Визгин В. П. 1) Мартовская (1936 г.) сессия АН СССР. Советская физика в фокусе // ВИЕТ. 1990. № 1. С. 31-46; 2) Мартовская (1936 г.) сессия АН СССР.

Советская физика в фокусе II (архивное приближение) // ВИЕТ. 1991. № 3. С. 36-55.

⁹⁹ Горелик Г. Е. Не успевшие стать академиками // Природа. 1990. № 1. С. 123-128.

наведение философского порядка в физике с целью повышения ее технической эффективности было главной задачей сессии.

Сессия тщательно готовилась. Решение о ее проведении принимали на самом верху, но, видимо, не без «подсказки» со стороны некоторых физиков. В качестве таковой могли быть использованы следующие строчки из письма П. Л. Капицы Сталину от 1 декабря 1935 г.: «...наше „научное хозяйство“ из рук вон плохо, в сто раз хуже, чем его можно было организовать на почве нашей промышленности и при наших материальных возможностях».¹⁰⁰ Сессия преследовала несколько целей. Прежде всего на ней ведущие физики должны были отчитаться перед правительством о результатах своей работы и об эффективности использования выделяемых им финансовых и материальных ресурсов. Иными словами, им собирались напомнить, кто подлинный хозяин в физике, способный решать, какие исследования перспективны, а какие нет. Внешне же она задумывалась как смотр достижений советской физики, призванный подтвердить притязания советских властей на превращение Москвы в центр мировой науки. Эти достижения должны были стать наглядными доказательствами сциентистской направленности политики СССР и ее прогрессивности. Вместе с тем предполагалось дать лидерам крупных научных школ, добившимся широкого международного признания, уроки критики и самокритики. Основной мишенью выбрали работу Физико-технического института и его директора А. Ф. Иоффе, которого обвиняли в чрезмерном увлечении фундаментальными исследованиями, практическая перспективность которых оставалась неясной. Им противопоставлялись успехи советской оптики, возглавляемой С. И. Вавиловым и Д. С. Рождественским. На самой же сессии критике подверглись все основные лидеры советской физики, которые нередко атаковались собственными учениками. Часть выступлений была окрашена политической риторикой, характерной для тех дней. Так, Д. С. Рождественский заявил, что СССР «готовится стать во главе народов».¹⁰¹

Лидеры теоретической физики — М. П. Бронштейн, Л. И. Мандельштам, Л. Д. Ландау, И. Е. Тамм, Я. И. Френкель, В. А. Фок должны были критиковаться за идеалистические интерпретации релятивистских и квантовых теорий, несовместимые с диалектическим материализмом и якобы смыкающиеся с фашизмом. Однако здесь все физики, поддержанные Б. М. Гессеном, проявили корпоративную солидарность и единодушно возражали официальному критику А. М. Де-

¹⁰⁰ Капица П. Л. О науке и власти. Письма. М., 1990. С. 16.

¹⁰¹ Мартовская сессия Академии наук СССР // Успехи физических наук. 1936. Т. XVI. Вып. 7. С. 919.

борину. Согласившись с недостатками в вопросах технической отдачи физических исследований и их практической эффективности, физики дружно противодействовали идеологическим атакам.

Вскоре после мартовской сессии АН СССР 1936 г. почти четверть выступивших на сессии были репрессированы, в том числе А. Ф. Вальтер, Б. М. Гессен, А. И. Лейпунский, Л. Д. Ландау, В. А. Фок и др. Но аресты и гибель некоторых из них были скорее следствием тотального террора во всех слоях общества, чем результатом их поведения в подготовке и проведении сессии. Суть происшедшего на ней точно выразил С. И. Вавилов: «На сессии, несомненно, удалось отчетливо

выяснить достоинства и недостатки нашей физики».¹⁰²

В целом сессия, по словам В. П. Визгина, закончилась вничью, так как не было сделано никаких специальных оргвыводов, хотя и была продемонстрирована уязвимость научно-организационного лидера любого масштаба. Руками самих физиков были ослаблены позиции прежде всего А. Ф. Иоффе, что дало повод А. А. Максимову утверждать: «На этой сессии были вскрыты не только вопиющие недостатки в работе ЛФТИ..., но и специфические отрицательные черты самого акад. А. Ф. Иоффе», занимавшего «реакционную, групповую позицию, враждебную всему духу советской науки».¹⁰³

Одним из наиболее ярких событий 1936 г. было «дело Лузина», ставшее предметом разбирательства специальной Комиссии АН СССР и соответствующего постановления Президиума АН СССР от 5 августа 1936 г. Как было недавно доказано, травлю своего бывшего учителя и главы «Лузитании» начали «молодые инициативные» московские математики: академик П. С. Александров, член-корреспондент Л. Г. Шнирельман и профессор А. Я. Хинчин, поддержанные А. О. Гельфондом, С. Л. Соболевым, Л. А. Люстерником, О.Ю.Шмидтом и др. По публикациям в центральных газетах «Известия» и «Правда» Лузин характеризовался как «один из стаи бесславной царской „Московской математической школы“, философией которой было черносотенство и движущей идеей — киты российской реакции: православие и самодержавие» и как «продающий интересы науки и торгующий ею в угоду ... хозяевам фашизированной науки».¹⁰⁵

¹⁰² Вавилов С. И. Советская физика на мартовской сессии АН СССР // Природа. 1936. №5. С. 4.

¹⁰³ Максимов А. А. О физическом идеализме и его защите акад. А. Ф. Иоффе // Под знаменем марксизма. 1937. № 11/12. С. 190-191.

¹⁰⁴ Демидов С.С., Есаков В.Д. «Дело академика Н.Н.Лузина» в коллективной памяти // Дело академика Николая Николаевича Лузина. СПб., 1999. С. 9-50.

¹⁰⁵ О врагах в советской маске. «Правда», 3 июля 1936 г. С. 2 // Дело академика Николая Николаевича Лузина. С. 255.

Жесткость обвинений прессы и коллег в адрес Лузина быстро усиливалась.¹⁰⁶ Уже на третий день заседания Комиссии (11 июля 1936 г.) превратились в «демонстрацию ненависти», когда многие выступавшие требовали исключить его из Академии наук как «врага в советской маске», «принесшего вред советской науке». Его обвиняли в презрительном отношении к советской науке, в низкопоклонстве перед Западом, в печатании лучших работ за рубежом, а слабых в советской печати, в плагиате у собственных учеников. Смерть А.П.Карпинского 15 июля 1936 г., возможно, нарушила порядок «слушания» дела, по которому уже готовилось соответствующее постановление Президиума АН СССР.¹⁰⁷ Затем по команде с самого верха травля Лузина была внезапно прекращена, и после письма, в котором заявлялось о его выборе ориентации на научную жизнь внутри страны, 5 августа 1936 г. Президиум АН СССР принял смягченный вариант осуждающей резолюции. При этом многие из нападавших на Лузина быстро достигли своих целей: «Уже на выборах 1939 г. академиками станут С. Л. Соболев, А. Н. Колмогоров и Н. Е. Кочин, членами-корреспондентами А. О. Гельфонд, Л. С. Понтрягин и А. Я. Хинчин».¹⁰⁸

«Дело Лузина» наглядно свидетельствует, что нередко сами ученые использовали сложившуюся ситуацию, натравливая власти на своих конкурентов. В то же время многие сохраняли достоинство и не желали участвовать в организуемых кампаниях травли. В защиту Лузина выступили академики С. Н. Бернштейн, А. Н. Крылов и Н. М. Крылов. Возмущенный статьей в газете «Правда», П. Л. Капица жестко выговаривал председателю Совнаркома В. М. Молотову. Он писал, что кадровая политика абсолютно неправильна, так как не считает старшее поколение ученых главным научным капиталом, которых надо «перевоспитать, приручить», а не арестовывать. «Когда-то арестовали Лазарева, прогнали Сперанского, а теперь обрушились на Лузина. Немудрено, что от такого „нежного“ обращения, [такие] как Успенский, Чичибабин, Ипатьев и другие, сбежали. Я по себе знаю, как бездушно Вы можете обращаться с людьми».¹⁰⁹ Он утверждал, что «страна, имеющая таких крупных ученых, как Лузин, должна первым делом сделать все, чтобы его способности были наиболее полно использованы для человечества».

¹⁰⁶ Токарева Т. А., Володарский А. И. «Дело академика Н. Н. Лузина» и советская пресса (июль—август, 1936 год) // Годичная научная конференция. 1999. Институт истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова. М., 2000. С. 213-218.

¹⁰⁷ Токарева Т. А. Заявление академика Н. Н. Лузина в Президиум АН СССР (июль 1936 г.) // Там же. С. 219.

¹⁰⁸ Демидов С. С., Есаков В. Д. «Дело академика Н. Н. Лузина»... С. 23.

¹⁰⁹ Рубинин П. Е. Свободный человек... С. 510.

«Дело Лузина» не раз анализировалось в историко-научной литературе и оценивалось как давшее старт для развертывания дискуссий подобного рода по всему Советскому Союзу и тем самым заложившее традиции борьбы с «раболопием перед иностранной наукой». В качестве примера обычно называют организованное в Томске дело против группы математиков, издававших на немецком языке «Известия НИИ по математике и механике».¹¹⁰ В действительности оно было лишь наиболее характерным и ставшим широко известным эпизодом в ряде политических кампаний по возрождению патриотизма.¹¹¹

За месяц до старта «дела Лузина» в «Ленинградской правде» была начата шумиха по поводу обвинений директора Пулковской обсерватории Б. П. Герасимовича и его сотрудников в антипатриотичном преклонении перед заграничными публикациями и стремлении главные результаты исследований сперва отсылать в зарубежные журналы, а лишь затем помещать в отечественных изданиях.¹¹² Как и в «деле Лузина», непосредственной причиной газетных публикаций стала научная и личная конфронтация между Б. П. Герасимовичем и «самой талантливой молодежью Пулкова Н. А. Козыревым, Д. И. Еропкиным и В. А. Амбарцумяном»,¹¹³ которые старались придать конфликту характер борьбы поколений.

В разгар борьбы с лузинщиной «Ленинградская правда» (18 июля) вновь обратилась к этой теме в статье «Рыцари раболопия». Первые итоги кампании вокруг Пулковской обсерватории вначале не сулили особой опасности главным обвиняемым, несмотря на всю жесткость взаимных претензий и характерную для того времени политическую аргументацию. Более того, самого Герасимовича назначали в возглавляемую А. Ф. Иоффе подкомиссию по изучению «лузинщины» в физике. Но уже в октябре 1936 г. был арестован Б. В. Нумеров, обвиненный в создании по заданию германской разведки террористической организации и в связях с троцкистско-зиновьевской оппозицией. Вскоре репрессии поглотили и самого Герасимовича, осужденного за вредительство в изучении солнечного затмения, и других ведущих советских астрономов — Н. И. Днепровского, И. А. Балановского, Н. В. Комендантова, Е. Я. Перепелкина.

¹¹⁰ *Кликушин М. В., Красильников С. А.* Анатомия одной идеологической кампании 1936 г.: «лузинщина» в Сибири // Советская история: проблемы и уроки. Новосибирск, 1992.

¹¹¹ *Levin A. E.* Anatomy of Public Campaign: «Academician Luzun's Case» in Soviet Political History // *Slavic Review*. 1990. Vol. 49. N 1. P. 90-108.

¹¹² *Kuznick P.* Beyond the Laboratory. Scientists as Political Activists. Chicago, 1987; *Успенская Н. В.* Вредительство в деле изучения солнечного затмения // Природа. 1989. № 8. С. 86-98; *McCutcheon R.* The 1936-1937 Purge of Soviet Astronomers // *Slavic Review*. 1991. Vol. 50. N 1. P. 100-117.

¹¹³ *Успенская Н. В.* Вредительство в деле изучения солнечного затмения. С. 94.

Всего было арестовано свыше ста сотрудников ленинградских астрономических учреждений: Пулковской обсерватории, Астрономического института, Ленинградского университета и Естественнонаучного университета П. Ф. Лесгафта.¹¹⁴ Советская делегация отсутствовала на конгрессе Международного астрономического союза, состоявшемся в 1938 г. в Стокгольме. Академики С. И. Вавилов и Г. А. Шайн ходатайствовали перед А. Я. Вышинским об освобождении астрономов, указывая, что в результате репрессий отечественная астрономия «потеряла в своем удельном весе не меньше 30 процентов»,¹¹⁵ в том числе и главных оппонентов Герасимовича — Д. И. Еропкина и Н. А. Козырева.

Мартовская сессия АН СССР, «дело Лузина» и «дело Пулковской обсерватории» показали, что трагические события в советской науке в немалой степени инициировались членами самого научного сообщества и были вызваны конфликтами за лидерство в той или иной отрасли знания. Эти конфликты приобретали разные формы: столкновение представителей разных наук (академической, университетской, отраслевой), разных научных школ или разных поколений.¹¹⁶ Особо жестко эти конфликты протекали тогда, когда в них участвовали люди скорее из разных миров, чем из разных поколений. У многих молодых ученых взгляды и ценности оказывались просто несовместимыми с представлениями их учителей. Это ярко проявилось в «деле Лузина». Но аналогичная несовместимость взглядов прослеживается и в истории Л. Д. Ландау и Л. М. Пятигорского.¹¹⁷

Для начала борьбы с тем или иным конкурентом часто использовались жалобы студентов в партийные и комсомольские комитеты на непонятность лекций, высокомерие преподавателей. Далее в ход шли обвинения в шовинизме, национализме, антисоветской деятельности, а кончалось все признанием обвиняемых троцкистами, фашистами, шпионами, арестом и расстрелом. Лишь немногим удавалось сойти с этой накатанной стези и вернуться на свободу, как это случилось с Ландау, проходившим по «делам» Украинского физико-техниче-

¹¹⁴ *Еремеева А. И.* Жизнь и творчество Бориса Петровича Герасимовича (к 100-летию со дня рождения) // Историко-астрономические исследования. 1989. Т. XXI. С. 253-301; *Успенская Н. В.* Вредительство... С. 86-98; *Невская Н. И.* Забытые страницы истории Пулковской обсерватории (по материалам Санкт-Петербургского филиала Архива Российской Академии наук) // Репрессированная наука. СПб., 1994. Вып. 2. С. 140-144.

¹¹⁵ ПФА РАН. Ф. 596. Оп. 3. Д. 14. Л. 2.

¹¹⁶ *Горелик Г. Е.* Физика университетская и академическая // ВИЕТ. 1991. №2. С. 31-46; *Josephson P.* Physics and Politics in Revolutionary Russia. Berkeley, 1991; *Сонин А. С.:* 1) «Физический идеализм». История одной идеологической кампании. М., 1995; 2) Противостояние: академическая и вузовская физическая химия // ВИЕТ. 1997. №2. С. 53.

¹¹⁷ *Ранюк Ю. Н.* Л. Д. Ландау и Л. М. Пятигорский // ВИЕТ. 1999. № 4. С. 79-91.

ского института и «антисоветской забастовки физиков» в Харьковском университете в качестве главаря контрреволюционной троцкистской вредительской группы, члены которой — В. С. Горский, Л. В. Шубников, Л. В. Розенкевич — были расстреляны.¹¹⁸ И остается только строить гипотезы, что послужило причиной необъяснимых действий карательных органов и внезапного спасения «разоблаченных главарей».

Особо острые формы подобные конфликты приняли в биологии, где на лидерство стали претендовать создатели мичуринской биологии Т. Д. Лысенко и его сподвижники. В отличие от физики и математики, где конкуренция шла между лидерами крупных научных школ, и поддержка властями той или иной группы не несла угрозы данной отрасли знания в целом, на Четвертой сессии ВАСХНИЛ, проходившей с 19 по 25 декабря 1936 г., научное сообщество впервые вынуждено было защищаться от массовых атак представителей псевдонауки, которым явно симпатизировал Сталин.¹¹⁹ Эта сессия, ставшая «репетицией» печально известной сессии ВАСХНИЛ 1948 г., не раз подробно анализировалась в отечественной и зарубежной литературе.¹²⁰ Ведущие генетики и селекционеры (Н. И. Вавилов, В. С. Кирпичников, Н. К. Кольцов, Г. Д. Карпеченко, Г. А. Левитский, П. И. Лисицын, Г. Г. Меллер, М. М. Завадовский, П. Н. Константинов и мн. др.) пытались привести научные доводы против резких обвинений Т. Д. Лысенко и поддержавших его Б. А. Келлера, Н. И. Нуждина, С. С. Перова, П. Н. Яковлева и яростных диалектизаторов естествознания (Э. Я. Кольмана, М. Б. Митина, П. Ф. Юдина).

В их выступлениях наиболее ярко сказывался сложившийся советский стиль «научной полемики». Научные аспекты генетики и агробиологии практически не затрагивались, а главное внимание было сосредоточено на надуманных политико-идеологических и практических аспектах проблемы, что давало повод обвинить своих противников в разного рода «преступлениях». Так, например, Кольцову,

¹¹⁸ Воробьев В. В. Лев Ландау и «антисоветская забастовка физиков» // ВИЕТ. 1999. Т. 4. С. 92-101.

¹¹⁹ Спорные вопросы генетики и селекции. М., 1937.

¹²⁰ Фролов И. Т. Генетика и диалектика. М., 1968; Дубинин Н. П. Вечное движение. М., 1973; *Medvedev Zh.* The Rise and Fall of T. D. Lysenko. New York; London, 1969; *Joravsky D.* The Lysenko Affair. Cambridge (Mass.), 1970; Резник С. Дорога на эшафот. Париж; Нью-Йорк. 1983; Эфроимсон В. П. О Лысенко и лысенковщине // ВИЕТ. 1989. № 1. С. 79-93; №2. С. 132-148; № 3. С. 96-109; №4. С. 100-111; *Soyfer V.* Lysenko and the Tragedy of Soviet Science. New Brunswick (New Jersey), 1992; Левина Е. С. Трагедия Н. И. Вавилова // Репрессированная наука. Л., 1991. Вып. 1. С. 223-239; Резник С. Правда и ложь о Вавилове и Лысенко // ВИЕТ. 1992. №2. С. 62-78; Маневич Э. Д. А. С. Серебровский и борьба за генетику // ВИЕТ. 1992. № 2. С. 78-93; Лебедев Д. В. Помогают ли опыты на простейших понять трагические события в отечественной биологии // На переломе. СПб., 1997. Вып. 1. С. 165-170.

Меллеру и Серебровскому инкриминировалась приверженность к расизму и фашизму. В том же духе диалектизаторам естествознания отвечали и некоторые генетики-марксисты (Н. П. Дубинин, Г. Меллер), указывая на идеализм, антимарксизм, антидарвинизм и механицизм своих оппонентов.

Казалось, что с самого начала итоги дискуссии были предreshены, так как участникам было известно, на чьей стороне симпатии ведущих Сельхозотделом и Отделом науки ЦК ВКП(б) (Я. А. Яковлева и К. Я. Баумана), наркомов земледелия и совхозов (М. А. Чернова и М. И. Калмановича) и самого Сталина. Сессия шла на фоне прямого запугивания сторонников генетики. Накануне был исключен из партии С. Г. Левит, а после торжественного ее открытия газеты объявили об аресте И. И. Агола «за прямую связь с троцкистскими убийцами», что на языке тех лет означало расстрел.¹²¹ Тогда же газеты разъяснили, что запланированный на 1937 г. VII Международный конгресс по генетике, председателем оргкомитета которого был Н. И. Вавилов, а ученым секретарем — И. И. Агол, отложен по просьбе ученых, т. е. отменен.

В этих условиях на генетиков напал не только президент ВАСХНИЛ А. И. Муралов, призвавший деятелей сельскохозяйственной науки взять за образец работу Т. Д. Лысенко, но даже вице-президент, выдающийся селекционер Г. К. Мейстер. Досталось главным докладчикам-генетикам (Н. И. Вавилову, Н. К. Кольцову, Г. Меллеру) и от своих. В идеологических грехах обвинил своих учителей Н. П. Дубинин.¹²² Р. Л. Берг писала: «Среди бичей карателей вместе с кнутом Презента свистела и плеть Дубинина. Он бичевал идеалистические пороки Филипченко, Серебровского, Левита...»¹²³ Каялся за свои прежние симпатии к евгенике А. С. Серебровский.

Тем не менее, генетикам удалось в значительной степени отстоять свои позиции и вписать в резолюцию сессии пункт о развертывании экспериментальных работ в области «спорных вопросов генетики и селекции» и выделении дополнительных ресурсов для этого. Большинство ученых, имевших опыт селекционной работы, и авторы всемирно известных сортов культурных растений и пород животных выступили против Лысенко. За ним, в основном, пошли выдвигенцы «культурной революции». С письмами-протестами против травли Н. И. Вавилова выступил крупнейший агрохимик Д. Н. Прянишников.¹²⁴ 19 марта 1937 г. генетикам удалось вновь добиться согласия

¹²¹ *Бабков В. В.* Биологические и социальные иерархии (контексты письма Г. Г. Меллера И. В. Сталину) // ВИЕТ. 1997. № 1. С. 76-93.

¹²² *Дубинин Н. П.* Вечное движение. М., 1973. С. 165-169.

¹²³ *Берг Р. Л.* Сухой. Воспоминания генетика. Нью-Йорк, 1983. С. 46.

¹²⁴ Мужество академика Д. Н. Прянишникова // Вестн. РАН. 1992. №9. С. 128-137.

Политбюро на проведение международного генетического конгресса в 1938 г.,¹²⁵ отмененного решением Политбюро 14 ноября 1936 г.¹²⁶

Борьба за свободу научного творчества

Многие ученые продолжали и в эти трагические дни отстаивать свободу научного творчества, отвергая попытки тотальной идеологизации естествознания на базе диалектического материализма. В одних случаях их действия оказывались успешными, в других заканчивались трагически. В этом отношении показательны диаметрально противоположные результаты в физике и биологии.

Потерпев неудачу в отстаивании своих взглядов физико-математическими доводами, противники теории относительности и квантовой физики все чаще стали прибегать к философско-политической аргументации. Так, отрицательный отзыв В. А. Фока на свою книгу академик В. Ф. Миткевич расценил как «фашистские методы».¹²⁷ Уже в дискуссии на мартовской сессии АН СССР он недвусмысленно намекнул, что, в отличие от своих оппонентов, стоит на меридиане правильного (красного) цвета. В число своих противников среди советских физиков Миткевич ловко вернул имя «невозвращенца» Г. А. Гамова.

Миткевич стал главным инициатором проведения философско-физической дискуссии в Академии наук в 1937 г., обратившись 7 января 1937 г. к Н. П. Горбунову с предложением усилить борьбу за проникновение «принципиальных установок диалектического материализма в область физических наук».¹²⁸ В письме он прямо заявил, что его взгляды диалектико-материалистические, а вот воззрения его оппонентов — И. Е. Тамма, В. А. Фока и Я. И. Френкеля принадлежат к «физическому идеализму». По его мнению, А. Ф. Иоффе и С. И. Вавилов явно сочувствовали также физическим идеалистам, хотя во время мартовской сессии они уклонились от прямого ответа на поднятые там философские вопросы.

Миткевич весьма удачно выбрал время для разоблачения физического идеализма. В стране шли массовые аресты ученых. Ободренные арестом Б. М. Гессена, его исконные противники, и прежде всего А. К. Тимирязев, сигнализировали во все инстанции о вредительских действиях его «приспешников» (И. Е. Тамма, Г. С. Ландсберга,

¹²⁵ Академия наук в решениях Политбюро. С. 251-253.

¹²⁶ Там же. С. 248-247.

¹²⁷ Миткевич В. Ф. Основные физические воззрения: Собр. докладов и статей. М.; Л., 1936. С. 162.

¹²⁸ Цит. по: Горелик Г. Е. Натурфилософские проблемы физики в 1937 году // Природа. 1990. №2. С. 97.

С. Э. Хайкина и др.), которые вынуждены были принять всю политическую ненависть, направленную против покойного Гессена.¹²⁹ Тем не менее, С. И. Вавилов принял вызов, выступив с философской статьей.¹³⁰ В унисон с ним энергично действовали А.Ф.Иоффе и В. А. Фок, четко и ясно показавшие безграмотность инициаторов дискуссии о физическом идеализме и причинности (А. А. Максимов и В. Ф. Миткевич), сорвав тем самым попытку устроить политико-идеологическое судилище над физиками.¹³¹

В 1938 г. на объединенном заседании группы физиков и математиков ОМАН АН СССР была подвергнута почти единодушной разгромной критике антирелятивистская концепция проф. Н. П. Кастерина.¹³² Не дрогнули сторонники современной физики (Д. И. Блохинцев, Г. С. Ландсберг, С. Т. Конобеевский, М. А. Леонтович, Ю. Б. Румер, И. Е. Тамм) во время дискуссии вокруг теории Н. П. Кастерина в НИИФ МГУ 16 октября 1938 г., охарактеризовав ее как наиболее печальный и позорный эпизод в истории советской науки.¹³³

В условиях массового террора далеко не все физики были обьяты ужасом самосохранения и использовали ритуальные словесные формулы, ставшие обязательными в обществе. Многие старались бороться за спасение своих коллег и проявили изрядную строптивость в различного рода обсуждениях «текущего политического момента» 1937 г., когда на мартовском пленуме было решено «исключить из партии Бухарина, Рыкова — союзников Троцкого, японо-немецких агентов» и указано на необходимость беспощадной борьбы со «шпионами, диверсантами и вредителями», просочившимися во все сферы общества. По сравнению с событиями «культурной революции» резко изменились объекты преследований. Если раньше это были преимущественно выходцы из среды дореволюционных специалистов, то теперь основной удар шел «по вредителям с партийным билетом». В этих условиях физики, чье становление проходило в послереволюционное десятилетие, выступали вместе со своими старшими коллегами С. И. Вавиловым и А. Ф. Иоффе. Здесь антагонизм поколений оказался отодвинут на второй план, что в значительной

¹²⁹ Андреев А. В. Физики не шутят. Страницы социальной истории научно-исследовательского института физики при МГУ. 1922-1954. М., 2000. С. 85.

¹³⁰ Вавилов С. И. По поводу книги В. Ф. Миткевича «Основные физические воззрения» // Под знаменем марксизма. 1937. № 7.

¹³¹ Горелик Г. Е. Обсуждение «натурфилософских установок современной физики» в Академии наук СССР в 1937-1938 гг. // ВИЕТ. 1990. № 4. С. 17-31.

¹³² Визгин В. П. Старая механика в новой физике: Н. Е. Жуковский и теория относительности // ВИЕТ. 1997. № 3. С. 123-128.

¹³³ Андреев А. В. Физики не шутят. С. 92.

¹³⁴ Горелик Г. Е. 1) Моя антисоветская деятельность // Природа. 1991. №11. С. 22-29; 2) Не успевшие стать академиками. С. 123-128; 3) Москва, физика, 1937 // ВИЕТ. 1992. № 1. С. 15-32.

степени обусловило в целом благоприятный исход борьбы с диалектизаторами физики.

Иначе события развивались в биологии, которая к тому же постоянно привлекала внимание Сталина. Здесь высокий авторитет Вавилова обусловил его лидирующую роль в трагическом противостоянии генетиков и лысенкоистов. Взаимоотношениям Вавилова с Лысенко в литературе уделено много внимания.¹³⁵ М. Поповский впервые на базе архивного материала КГБ описал трагические годы арестованного Вавилова, назвал виновников его ареста, следователя, мучившего Вавилова на допросах, и, наконец, голодную смерть в саратовской тюрьме.¹³⁶ Трагедия состояла и в том, что на первых этапах карьеры Лысенко Вавилов положительно оценил его работы по физиологии развития растений.

Сначала Вавилов стремился перевести разногласия в русло обычной научной дискуссии, что объяснялось его желанием избежать прямых столкновений с властными структурами, поддержавшими Лысенко в надежде поднять подорванное коллективизацией сельское хозяйство. Зная, что за Лысенко сам Сталин, Вавилов полагал, что сдержанность в полемике позволит спасти генетику и селекцию от разгрома.¹³⁷ Стремился он уберечь от удара властей и свое любимое детище — ВИР, где работала основная часть ведущих представителей вавиловской школы. Когда же Лысенко перешел в наступление на генетику, на теоретические основы селекции и семеноводства, угрожая самой науке, Вавилов ни на какие компромиссы не шел. Тогда прозвучали его твердые слова: «Пойдем на костер, будем гореть, но от убеждений своих не откажемся».

Следует подчеркнуть еще раз, что эта борьба носила политический характер. На одной стороне был мощный партийно-правительственный аппарат, а на другой стороне — ученые, отстаивавшие свободу развития науки. Острота борьбы определялась именно этим, а не разногласиями вокруг законов генетики. Бросив вызов тоталитарному режиму, Вавилов осознанно пошел на костер сталинской инквизиции.

¹³⁵ *Резник С.* Николай Вавилов. М., 1968; *Medvedev Zh.* The Rise and Fall of T. D. Lysenko; *Joravsky D.* The Lysenko Affair; *Резник С.* Дорога на эшафот; *Soyfer V. N.* Lysenko and the Tragedy of Soviet Science; *Сойфер В. Н.* Власть и наука. История разгрома генетики в СССР. М., 1993; *Левина Е. С.* Вавилов, Лысенко, Тимофеев-Ресовский... Биология в СССР: история и историография. М., 1995.

¹³⁶ *Поповский М.* Дело академика Вавилова. Нью-Йорк, 1983.

¹³⁷ *Колчинский Э. И., Лебедев Д. В.* Джордано Бруно XX века // Выдающиеся отечественные биологи. СПб., 1996. Вып. 1. С. 29-44; *Kolchinsky E. I.* Nikolai Ivanovich Vavilov (1887-1943) // Darwin&Co. Eine Geschichte der Biologie in Portraits / Hg. J. Jahn, M. Schmitt. München, 2001. S. 77-94.

В отличие от физиков, генетики и селекционеры в этой борьбе с обскурантизмом не были поддержаны биологами других специальностей. Как сказал автору В. Я. Александров, активный борец с лысенковщиной в 1950-е гг., «тогда пожар был у соседей. Мы им сочувствовали, но не помогали. Только после войны для нас стало ясно, что Лысенко губит не только генетику, но и всю отечественную биологию». Для многих потребовались годы, чтобы понять сущность Лысенко. Здесь уместно вспомнить, что не только много раз критикуемый за доверчивость и конформизм Н. И. Вавилов, но даже В. И. Вернадский, грезивший о будущем биосферы и человечества, долго не понимали, что имеют дело не с талантливым, пусть и малограмотным агрономом из народа, но с беспринципным авантюристом. Как показала Г. А. Савина, Вернадский называл Лысенко «ученым, и интересным», хотя и удивлялся, что «талантливая фигура Лысенко ... резко обрушивается на генетику, основ которой не знает».¹³⁸ Да и генетики с селекционерами были далеко не единодушны. Среди них оказались ученые, примкнувшие к Лысенко по разным соображениям, а также молодые генетики, включившиеся в кампанию политико-идеологической травли своих учителей.

Вавилову и его сторонникам удавалось сдерживать напор лысенкоистов до тех пор, пока «большой террор» не разрушил полностью ранее существовавшую систему личных коммуникаций биологов с государственно-партийными администраторами.¹³⁹ Уничтожение практически всех сторонников генетики и селекционеров в высших и средних звеньях научной бюрократии, генетиков-партийцев (И. И. Агол, С. Г. Левит, В. Н. Слепков) в конечном счете привело к установлению контроля Лысенко над ВАСХНИЛ после физического уничтожения ее президента А. И. Муралова и его преемника Г. К. Мейстера.

Но борьба с лысенкоистами продолжалась. Она шла на страницах журналов и газет, на опытных делянках и в лабораториях, на заседаниях и конференциях. Особое значение имела дискуссия по вопросам генетики, проведенная с 7 по 14 октября 1939 г. редколлекцией журнала «Под знаменем марксизма». В дискуссии, организованной по инициативе ленинградских биологов — сторонников генетики при поддержке А. А. Жданова,¹⁴⁰ участвовало более 150 человек и 53 выступили с докладами и в прениях, в том числе и фактически все ведущие генетики.¹⁴¹

¹³⁸ Савина Г. А. Чистые линии (В. И. Вернадский о Н. И. Вавилове) // Трагические судьбы репрессированных ученых АН СССР. М., 1995. С. 24-25.

¹³⁹ Krementsov N. L. Stalinist Science. Princeton, 1997. P. 61-64.

¹⁴⁰ Ibid. P. 66-70.

¹⁴¹ Спорные вопросы генетики и селекции (Общий обзор совещания) // Под знаменем марксизма. 1939. №11.

Генетики и селекционеры экспериментально доказали несостоятельность лысенкоистских рекомендаций, насильно внедряемых в производство. И тогда противники Вавилова решили прибегнуть к карательным мерам. 6 августа 1940 г. был арестован Вавилов и начался разгром его школы. Новый директор ВИРА — «Вавилона», как его иногда называли, занялся «чисткой» института, а Институт генетики АН СССР «чистил» сам Лысенко, ставший его директором.

Вскоре были арестованы Г. Д. Карпеченко, Л. И. Говоров, Г. А. Левитский, К. А. Фляксбергер, Н. В. Ковалев, А. И. Мальцев. Только два последних вернулись из тюрем. Сам Вавилов, пройдя через круги ада бериевских застенков, умер от истощения в саратовской тюрьме 26 января 1943 г.¹⁴² Похоронен в общей могиле для заключенных на Воскресенском кладбище.

Война приостановила репрессии против генетиков и селекционеров, но они возобновились с новой силой после позорно знаменитой августовской сессии ВАСХНИЛ в 1948 г., когда генетика была запрещена и тысячи ее сторонников были выгнаны с работы. Само имя лидера советских генетиков Вавилова было под запретом, так как оно стало символом сопротивления научного сообщества тоталитарному режиму.

События в отечественной биологии ясно показывали, что принятая модель организационного развития науки в СССР таит в себе угрозу самой науке. Иерархическая, централизованная и монополизированная система советской науки вообще и Академии наук в частности порождала бешеную конкуренцию и беспощадное столкновение научных групп в борьбе за ключевые позиции в системе. Лысенковщина, как и все последовавшие политические кампании 1940-х гг., была результатом борьбы за власть в науке, в которой почти с неизбежностью терпела поражение сама наука. Последствия оказывались тяжелыми потому, что в системе практически не было «резерваций» для выживания идей и ученых, не согласных с признанными теориями, — система была в существенной степени иерархична, однородна и прозрачна для политического контроля. Выходом из этого организационного тупика становилось экстенсивное развитие науки: умножение числа научных институтов и беспрецедентный рост научных кадров. Расширение географии научных учреждений, создание баз и филиалов создавали условия для миграции «научных диссидентов» и их выживания вдали от сотрясавших столицы политических кампаний. Но подобный выход, как правило, был временным, так как карательные органы были вовле-

¹⁴² Суд палача. Николай Вавилов в застенках НКВД. Биографический очерк. Документы. М., 1999.

чены в конкуренцию в научном сообществе и помогали выискивать и наказывать носителей научной ереси.

Большой террор

Стабилизация советской науки шла на фоне беспрецедентных репрессий, обрушивавшихся на научное сообщество. В 1933-1934 гг. под руководством заместителя начальника политического отдела ОГПУ Г. С. Люшкова было сфабриковано «дело славистов», официальное название — «дело Российской национальной партии». По нему было репрессировано более 100 человек, в том числе академики М. Н. Сперанский и В. Н. Перетц, члены-корреспонденты Н. Н. Дурново, Г. А. Ильинский, А. М. Селищев, будущие академики В. В. Виноградов и Г. А. Разуваев и другие видные искусствоведы, лингвисты, филологи.¹⁴³ Их обвинили в стремлении установить в стране фашистскую диктатуру. Среди руководителей «заговора» числились также академики В. И. Вернадский и Н. С. Курнаков, которые, однако, даже не арестовывались. Всего же в «ленинградском» списке назывались фамилии 13 человек, в «московском» — еще шестерых, в разное время состоявших в Академии. В деле фигурировали химики Н. Д. Зелинский и В. Н. Ипатьев, геохимики В. Г. Хлопин и А. П. Виноградов, геолог А. В. Николаев и др. Оно задумывалось естественным продолжением «академического дела» и должно было довершить разгром прежней Академии наук. Но, видимо, в преддверии провозглашения АН СССР главным штабом передовой советской науки было решено не нервировать академиков очередным массовым избиением их коллег.

В политических процессах и репрессиях, обрушившихся на страну после убийства в декабре 1934 г. С. М. Кирова, ни на минуту чекисты не забывали о научном сообществе. Несмотря на усиленные изыскания последнего десятилетия, остается лишь повторить слова из «Реквиема» Анны Ахматовой: «Хотелось бы всех поименно назвать, да отняли список, и негде узнать».¹⁴⁴ Были сострепаны следующие «дела»: «Немецкой фашистской организации» (1935), «Контрреволюционной нелегальной монархической организации церковников-последователей ИПЦ» (1937), «Антисоветской вредительской организации в ВИРе» (1941-1945), «Пулковское дело» и т. д. Существу-

¹⁴³ *Бернштейн С. Б.* Трагическая страница из истории советской филологии // Сов. славяноведение. 1989. № 1; *Ашин Ф. Д., Алтаев В. М.* 1) «Российская национальная партия» — зловещая выдумка советских чекистов // Вестн. РАН. 1994. Т. 64. № 10. С. 920-930; 2) «Дело славистов», 30-е годы. М., 1994.

¹⁴⁴ *Ахматова Анна.* Избранное. М., 1998. С. 385.

ют лишь разрозненные попытки составить мартирологи репрессированных ученых в той или иной отрасли знания (в геологии, этнографии, востоковедении, лингвистике)¹⁴⁵ или отдельном учреждении.¹⁴⁶

Вот некоторые данные по эволюционной биологии, не являющиеся результатом специального изучения. Уже в годы «культурной революции» начались аресты и ссылки (Н. П. Авдулов, Е. И. Балкашина, Ю. М. Вермель, Б. С. Кузин, Н. Н. Кулешов, Г. А. Левитский, Н. А. Максимов, Б. Е. Райков, П. Ф. Рокицкий, Д. Д. Ромашов, А. А. Сапегин, В. Е. Писарев, М. Г. Попов, С. С. Четвериков, В. П. Эфроимсон и др.). Некоторые из них больше не вернулись к научной работе, начав скорбный путь многочисленных арестов и ссылок.

Во время массовых репрессий 1930-х гг. многие эволюционисты различных специальностей (генетики, селекционеры, систематики, палеонтологи, физиологи, экологи и т. д.), в том числе И. И. Агол, Э. Бауэр, Н. К. Беляев, Н. И. Вавилов, В. А. Вендровский, Л. И. Говоров, Г. Д. Карпеченко, Г. А. Левитский, М. Л. Левин, С. Г. Левит, Г. К. Мейстер, Г. А. Надсон, Б. А. Паншин, В. Н. Слепков, В. В. Станчинский, Л. В. Ферри, И. Н. Филиппев, К. А. Фляксбергер, Г. Г. Фризен, Э. К. Эмме, были арестованы, расстреляны или умерли в тюрьмах от голода и болезней. В течение долгого времени в тюрьмах и лагерях были Г. Г. Винберг, Я. Е. Еленгорн, А. Н. Криштофович, Н. В. Ковалев, Е. М. Крепс, В. Л. Меркулов, М. А. Розанова, И. Б. Паншин, Н. В. Тимофеев-Ресовский, Г. Г. Тиняков, С. Р. Царапкин. Многие институты, созданные и возглавляемые генетиками и биологами-эволюционистами — Н. И. Вавиловым, Н. К. Кольцовым, С. Г. Левитом, были ликвидированы или коренным образом реорганизованы. Этот список может быть существенно дополнен. К сожалению, в русских, а тем более в зарубежных публикациях обычно называются одни и те же немногие фамилии, что не дает возможности представить подлин-

¹⁴⁵ Васильков Я. В., Гришина А. М., Перченко Ф. Ф. Репрессированное востоковедение. Востоковеды, подвергшиеся репрессиям в 20-50-е гг. // Народы Азии и Африки. 1990. № 4. С. 113-125; № 5. С. 96-106; Алтаев В. М. Мартиролог востоковедной лингвистики // Вестн. АН СССР. 1990. № 12. С. 110-121; Репрессированные геологи (Биографические материалы). СПб., 1992; Решецов А. М. Репрессированная этнография: люди и судьбы // Кунсткамера: этнографические тетради. 1994. Вып. 4. С. 185-221; вып. 5-6. С. 342-367; Борейко В. Е. История боли и героизма: скорбный список деятелей охраны природы и заповедного дела СССР, репрессированных в 20-50-е годы // Охота и охотничье хозяйство. 1995. № 1-4.

¹⁴⁶ Возвращенные имена. Сотрудники АН Белоруссии, пострадавшие в период сталинских репрессий. Минск, 1992; Перченко Ф. Ф. 1) Список членов АН СССР, подвергавшихся репрессиям // Трагические судьбы: репрессированные ученые Академии наук СССР. М., 1995. С. 236-252; 2) К истории Академии наук; снова имена и судьбы... Список репрессированных членов Академии наук // In Memoriam. Исторический сборник памяти Ф. Ф. Перченка. М.; СПб., 1995. С. 141-210; Суд палача. Николай Вавилов в застенках НКВД. С. 14-20.

ные масштабы ущерба, нанесенного эволюционной теории сталинским террором. К тому же надо учесть, что часто вместе с крупными биологами репрессиям подвергались их сотрудники и ученики, закрывались руководимые ими лаборатории, кафедры, институты.

Как отмечают составители сборника «Репрессированные геологи», куда включены сведения примерно о четырехстах жертвах карательных органов и узников ГУЛАГа, «общее число лиц, подлежащих включению в список, намного больше».¹⁴⁷ В рабочей картотеке А. М. Решетова насчитывается «500 имен этнографов и ученых смежных специальностей, в той или иной степени подвергшихся репрессиям, зачастую неоднократно».¹⁴⁸

Чтение этих далеко не полных «залитых кровью страниц» вселяет не только ужас и скорбь по поводу бессмысленных репрессий, но и является первой попыткой как-то количественно представить масштаб потерь «сталинской науки». Базируясь на них, вряд ли отношения научного сообщества с партийным руководством можно оценить однозначно как взаимовыгодные «симбиотические» отношения.¹⁴⁹ За предоставленные деньги и другие ресурсы ученые платили не только своими знаниями в жизненно важных для правительства вопросах, но и потерей права на свободу творчества и саму жизнь, и, что еще страшнее, поломанными судьбами и жизнями своих ближайших родственников.

В тюрьмы были брошены многие сотрудники академических учреждений. Жертвами репрессий стали академики Н. И. Бухарин, Н. И. Вавилов, Н. П. Горбунов, Н. М. Лукин, И. К. Луппол, Г. А. Надсон, В. В. Осинский, Д. Б. Рязанов, А. Н. Самойлович, Н. М. Тулайков, члены-корреспонденты АН СССР В. Н. Бенешевич, А. Ф. Вальтер, В. Ю. Ган, Б. М. Гессен, В. Г. Глушков, И. И. Замотин, Г. А. Ильинский, Г. А. Левитский, Б. В. Нумеров, А. А. Саткевич, С. Г. Томсинский, Я. Н. Шпильрейн, Г. Ф. Церетели и многие другие ученые, расстрелянные или скончавшиеся в тюрьмах от пыток, голода и болезней. Арестовывались и содержались в заключении, иногда в течение многих лет академик И. В. Гребенщиков, члены-корреспонденты Е. Э. Бертельс, П. А. Вальтер, А. А. Ильин, Б. Л. Исаченко, Н. И. Конрад, Ю. А. Крутков, А. И. Некрасов, Б. Б. Польшов, Е. К. Тимченко, А. Н. Туполев, Н. М. Федоровский и др.

Во время войны было сфабриковано «дело союза старой русской интеллигенции», по которому были арестованы член-корреспонденты В. С. Игнатовский и Н. С. Кошляков, профессора и доцен-

¹⁴⁷ Репрессированные геологи. С. 7.

¹⁴⁸ Решетов А. М. «Репрессированная этнография». Вып. 4. С. 186-187.

¹⁴⁹ Кременцов Н. Л. Принцип конкурентного исключения // На переломе. Советская биология в 20-30-х годах. СПб., 1997. С. 111.

ты Института точной механики и оптики А. М. Журавский, Б. И. Извеков, Н. И. Постолев, С. С. Рузов, А. В. Светлов, П. А. Соколов, В. Н. Строганов, В. А. Тимофеев, Г. Т. Третьяк.

В 1936-1937 гг., когда проходили судебные процессы по делам «антисоветского объединения троцкистско-зиновьевского центра» и «антисоветского право-троцкистского блока», в академических изданиях публиковались погромные статьи в адрес АН СССР. В одной из них сообщалось о «раскрытой» в ней террористической группе «убийц, троцкистско-зиновьевских предателей родины».¹⁵⁰ В числе «преступников» и «врагов» народа назывались фамилии ряда ответственных сотрудников аппарата Президиума Академии наук, руководителей ее общественных организаций. В другой статье говорилось, что «под предательским крылышком Бухарина» группа «врагов народа», «доморощенных ученых» сумела проникнуть в гуманитарные институты и другие научные учреждения Академии наук.¹⁵¹ Руководители Академии наук обвинялись в либерализме и «преступном попустительстве» к «врагам народа». В такой исключительно тяжелой морально-политической атмосфере, когда поощрялись подозрительность, доносы, ложные обвинения, в обстановке нагнетаемой истерии и страха ученые должны были жить и работать.

В неполном списке подвергавшихся репрессиям с октября 1917 по 1953 г., насчитывается 45 академиков и 60 членов-корреспондентов АН СССР, более половины из них были расстреляны, убиты во время допросов, умерли в тюрьмах, лагерях, ссылках.¹⁵² Еще около семидесяти человек, включая создателя первых в мире космических кораблей С. П. Королева и будущего лауреата Нобелевской премии Л. Д. Ландау, стали академиками и членами-корреспондентами уже после арестов (иногда неоднократных) и многих лет заключений. Практически каждый шестой член Академии стал жертвой прямых репрессий со стороны карательных органов. А скольким помимо них годы жизни сократили «проработки», «суды чести», конфискации имущества, сокращения, увольнения, выселения, «уплотнения» квартир, доносы, «разгромные» статьи в печати, «письма трудящихся» и т. д.! Массовые репрессии не щадили никого. Вице-президент и лаборант, физик и лирик, идеалист и «воинствующий материалист», член антисоветских партий и «пламенный большевик» — все были в равной мере беззащитны перед карательными органами, все крутились в дьявольской карусели репрессий.

¹⁵⁰ Усилить революционную бдительность // Вестн. АН СССР. 1936. № 7. С. 3.

¹⁵¹ Враги народа // Там же. 1937. № 1. С. 7.

¹⁵² *Перченко Ф. Ф.* 1) Список членов АН СССР... С. 236-252; 2) К истории Академии наук... С. 141-210.

Работая над биографиями семи главных соавторов синтетической теории эволюции,¹⁵³ я неожиданно для себя обнаружил, что только одному из них, академику А. Н. Северцову, удалось умереть, не испытав гонений. Правда, через 16 лет после смерти его взгляды были подвергнуты критике на специальной конференции, устроенной лысенкоистами. Н. И. Вавилов скончался в тюрьме. Сосланный еще в 1929 г. С. С. Четвериков так и не смог вернуться в Москву и умер в 1959 г. в Горьком, в нищете. Практически на протяжении всей жизни непрерывным проработкам и увольнениям подвергались Г. Ф. Гаузе, А. С. Серебровский, В. Н. Сукачев, И. И. Шмальгаузен — цвет советской эволюционной биологии.

Число арестованных только в авиастроении измерялось сотнями, среди них подавляющее большинство составляли известные конструкторы самолетов и двигателей (Р. Л. Бартини, К. А. Калинин, В. М. Мясищев, В. М. Петляков, Д. А. Томашевич, А. Н. Туполев, В. А. Чижевский), основоположники отечественного ракетостроения (С. П. Королев, В. П. Глушко, Г. Э. Лангемак, И. Т. Клейменов). Часть из них была расстреляна вместе с номенклатурными работниками, которых умерщвляли в первую очередь в соответствии со сталинским принципом «ротации кадров».¹⁵⁴ Остальных же, как правило, заставляли работать в шарашках. Из врагов народа формировались научные коллективы, призванные трудиться на благо Родины, разрабатывая новые образцы боевых самолетов. Среди арестованных были также кораблестроители, специалисты в области энергетики и гидромеханики корабля, изобретатели и конструкторы в области морской техники, гидрографы, создатели вычислительных машин и т. д. (Н. В. Алякринский, Б. Е. Алякрицкий, С. О. Барановский, В. И. Бекаури, В. Л. Бжезинский, А. И. Билевич, С. В. Волинский, Е. С. Гернет, Л. Г. Гончаров и др.).¹⁵⁵

В этих условиях руководители Академии шли на компромиссы с властями, чтобы сохранить ее как ценное достояние страны и обеспечить дальнейшее развитие научных исследований. Однако в пору самых жестоких репрессий властям не удавалось добиться от Академии наук в целом безоговорочного повиновения. Так, 29 декабря 1936 г. шестеро академиков воздержались при голосовании за исключение невозвращенцев В. Н. Ипатьева и А. Е. Чичибабина, а

¹⁵³ *Kolchinsky E. I. Kurzbiographien einiger Begründer der Evolutionssynthese in Russland (1920-1940) // Evolutionsbiologie von Darwin bis heute. Berlin, 1999. S. 211-229.*

¹⁵⁴ *Соболев Д. А. Репрессии в советской авиапромышленности // ВИЕТ. 2000. № 4. С. 45.*

¹⁵⁵ Наука Санкт-Петербурга и морская мощь России / Ред.-составитель А. А. Родионов. СПб., 2001. С. 322.

9 академиков вообще не явились на это общее собрание.¹⁵⁶ В газетах было напечатано, что с осуждением Ипатьева на общем собрании АН СССР выступил его сын проф. В. В. Ипатьев, который от своего имени и от имени своей сестры осудил отца, однако, скорее всего, это было придумано.¹⁵⁷

Не случайно еще Н. С. Хрущев рассматривал АН СССР как пережиток царского режима и грозил реорганизовать ее за строптивость. Отвечая на подобные угрозы, президент АН СССР А. Н. Несмеянов заявил: «Ну что же, Петр Великий открыл Академию, а Вы ее закроете».¹⁵⁹

Многие академики были не сломлены и не желали смириться с беззаконием власти. В их числе по-прежнему был И. П. Павлов. 21 декабря 1934 г., через три недели после убийства С. М. Кирова, Павлов направил в СНК СССР письмо, в котором говорилось: «Мы жили и живем при неослабевающем режиме террора и насилия». Заключали письмо следующие слова: «Пощадите же родину и нас».¹⁶⁰ Отвечая Павлову 6 января 1935 г., Молотов писал о полной неубедительности высказанных ученым политических положений. Но ответ председателя Совнаркома не остановил Павлова. В марте и декабре 1935 г. он снова писал в Совнарком, протестуя против репрессий, в защиту осужденных ленинградских ученых.

Павлов был не одинок в своих протестах. Правда, его коллеги, как правило, воздерживались от обобщающих суждений и ходатайствовали об освобождении конкретных лиц.

Как уже отмечалось, В. И. Вернадский пытался оправдать репрессии среди коммунистов.¹⁶¹ В то же время в 1936-1940 гг. он не раз обращался с письмами к К. Я. Бауману, Л. П. Берии, А. Я. Вышинскому, В. М. Молотову, ходатайствуя об освобождении В. В. Аршинова, А. К. Болдырева, Б. К. Бруневского, В. А. Зильберминца, Б. Л. Личкова, Д. И. Шаховского и других ученых.¹⁶² В августе 1940 г.

¹⁵⁶ Кузнецов В. И., Максименко А. М. В. Н. Ипатьев. 1867-1952. М., 1992. С. 79-88; Соловьев Ю. И. Трагическая судьба акад. А. Е. Чичибабина // Вестн. РАН. 1993. Т. 63. №6. С. 516-522.

¹⁵⁷ Кузнецов В. И. Возрождение правды об академике В. Н. Ипатьеве // ВИЕТ. 1991. №4. С. 64.

¹⁵⁸ Афиани В. Ю., Илизаров С. С. «...Мы разгоним к чертовой матери Академию наук!» (Академия наук СССР и Никита Хрущев) // ВИЕТ. 1999. № 1. С. 167-173.

¹⁵⁹ Александр Николаевич Несмеянов. Ученый и человек. М., 1988. С. 208.

¹⁶⁰ «Протестуя против безудержного произвола»: Переписка акад. И. П. Павлова с В. М. Молотовым / Публ. В. О. Самойлова и Ю. А. Виноградова; Комм. М. Г. Ярошевского // Сов. культура. 1989. 14 янв.; «Не один же я так думаю...» / Публ. В. О. Самойлова и Ю. А. Виноградова // Своевременные мысли, или Пророки в своем отечестве. Л. 1989. С. 92-101.

¹⁶¹ Week-end в Болшево, или Ещё раз «вольные» письма академика В. И. Вернадского. С. 337.

¹⁶² Вернадский В. И. Из писем разных лет / Вступ. ст. и примеч. С. Р. Микulinского // Вестн. АН СССР. 1990. № 5. С. 76-125.

В. И. Вернадский совместно с академиками А. А. Борисяком, В. А. Обручевым, П. И. Степановым и А. Е. Ферсманом ходатайствовал перед Берией об освобождении А. К. Болдырева. Еще ранее аналогичное ходатайство возбудили академики А. А. Байков, А. Н. Заварицкий, Н. С. Курнаков, член-корреспондент С. С. Смирнов и другие ученые. В результате этих ходатайств А. К. Болдырева освободили, но оставили работать на Колыме. Благодаря ходатайству Вернадского получил свободу В. В. Аршинов.¹⁶³

Академик А. Ф. Иоффе выступал в защиту физиков М. П. Бронштейна и П. И. Лукирского, арестованных в 1937-1938 гг. Письмо в защиту М. П. Бронштейна подписали академики С. И. Вавилов, член-корреспондент В. А. Фок, писатели С. Я. Маршак и К. И. Чуковский. Однако спасти М. П. Бронштейна не удалось: он погиб в заключении. П. И. Лукирский, благодаря энергичным усилиям А. Ф. Иоффе, был полностью реабилитирован. По настоянию академика Л. А. Орбели пересмотрели и «дело» будущего академика Е. М. Крепса, арестованного в 1937 г. и освобожденного в 1940 г.

«ввиду отсутствия состава преступления». Иногда подобные ходатайства не приносили свободу, но спасали жизнь, как это случилось с будущими академиками А. А. Бaeвым, за которого ходатайствовал В. А. Энгельгардт, и С. П. Королевым, заступниками которого перед властями были В. С. Гризодубова и М. М. Громов. Выступление Д. Н. Прянишникова в защиту Н. И. Вавилова, возможно, отсрочило гибель последнего.

Выше уже говорилось о мужестве П. Л. Капицы, потребовавшего в письмах к высшим лицам партии и государства прекратить травлю Н. Н. Лузина. Его энергичные действия способствовали и освобождению арестованных выдающихся физиков Л. Д. Ландау и В. А. Фока.¹⁶⁴

Выступавшие прекрасно понимали, что их действия не угодны властям, которые подобные ходатайства расценивали как проявления несломленного свободомыслия. Поэтому Академию наук продолжали обвинять в самых черных замыслах, а ее руководство заставляли каяться в «благодущии и маниловщине», «антиобщественной и антигосударственной деятельности отдельных работников», в «деяниях прямых преступников, использующих учреждения Академии наук для своих грязных целей» и «для укрепления и разветвления групп террористических убийц», в «позорных традициях, до сих пор гнездящиеся в Академии наук», и т. д., и т. п.¹⁶⁵

¹⁶³ Ленинградский рабочий. 1989. 17 марта.

¹⁶⁴ Фейнберг Е. Л. Ландау, Капица и Сталин // Природа. 1998. № 1. С. 65-72.

¹⁶⁵ Усилить революционную бдительность // Вестн. АН СССР. 1936. №6/8.

Накануне Второй мировой войны

«Сталинская наука» отчетливо воспроизводила черты привычной для России XVIII—первой половины XIX вв. государственной и государственной науки с регламентированной «казенной дисциплиной лояльности и чиновничества, дисциплиной с административными распеками и попреками, с произнесением и выслушиванием подобострастных речей, од и кантат».¹⁶⁶ Итогом предвоенного десятилетия стало последовательное отступление от революционной идеологии. Идеи государственности, патриотизма, национальной исключительности и ксенофобии позволили создать организационную структуру и этос науки, естественным образом интегрирующие дореволюционные научные учреждения с остатками революционной идеологии. Правда, на смену «распекам и попрекам» пришли политико-идеологические проработки, завершавшиеся нередко арестом и гибелью «провинившихся». Но глубоко укоренившаяся в сознании ученых лояльность к властям и государственный взгляд на науку и практику позволили научному сообществу в условиях складывавшейся социально-политической конъюнктуры легко преобразоваться из интернационального в «национальное» и преисполниться гордостью за достижения советской науки.

Идеологемы патриотизма стали мощным фактором консолидации советского общества и советской политической системы, в которой науке было отведено важное, но строго определенное место — служить укреплению и процветанию государства и его вождя, провозглашенного вскоре «корифеем всех наук». Окончательно складывается советская система организации науки, где централизованный и строго иерархический партийно-государственный аппарат жестко контролирует структуру, кадры, коммуникации и направления исследований научного сообщества, которое в свою очередь сильно централизовано, иерархично, идеологизировано и политизировано. Наука стала неотъемлемой частью государственной машины, разделяя ее цели и ценности. Это сказалось на языке и ритуале научных мероприятий (съездов, конференций, дискуссий), заимствованных в значительной степени из партийной практики.

Нарастала международная изоляция советских ученых, и усиливался разрыв между высшим образованием и научными исследованиями. Началась мания засекречивания и шпиономания. Искусственная секретность выводила работы из-под контроля научной общественности и способствовала проникновению в науку профессионально неподготовленных кадров. Этому способствовали непре-

¹⁶⁶ *Рашковский Е. Б.* Наука, философия, Россия: заметки на полях книги Н. И. Кузнецовой // ВИЕТ. 1999. № 3. С. 186-198.

равные репрессии, выдвижение на научные должности людей, зачастую не обладавших необходимыми данными для научной работы. При этом кадровые потери весьма по-разному сказались на различных отраслях науки. Несмотря на репрессии, успешно развивались физико-математические науки. Значительный потенциал, накопленный в биологии в 1920-е гг., обеспечивал и здесь поступательное развитие, несмотря на необходимость вести борьбу с лысенковщиной.

Разразившаяся вскоре Великая Отечественная война доказала, что созданная структура была способна решать самые сложные научные проблемы в интересах промышленности. Это было возможно прежде всего потому, что в Академии наук к тому времени действительно были сконцентрированы лучшие ученые, становление которых проходило еще в условиях свободного научного творчества. Они были способны разрабатывать крупномасштабные комплексные программы развития науки и техники. Самым убедительным примером этого может служить деятельность Академии наук и ее членов по развертыванию работ по освоению атомной энергии в военных и мирных целях, становление новой отрасли атомной промышленности.¹⁶⁷ Удалось обеспечить как технологически эффективное взаимодействие, так и взаимосвязанное развитие прикладных и фундаментальных исследований в интересах укрепления научно-технического потенциала страны. Мощная индустрия, созданная при активном участии научного сообщества, стала материально-технической базой победы в войне.

В обстановке тоталитарного режима ученые добились выдающихся успехов в развитии математики, механики, химии, физики, наук о Земле, различных отраслей технических наук. За работы, выполненные советскими физиками в 1930-е гг., были присуждены четыре Нобелевских премии. Осознание своей нужности и незаменимости позволяло многим ученым вести себя с чувством собственного достоинства, что неизбежно приводило к конфликтам с властями, чувствовавшими здесь интеллектуальную фронду. Не случайно будущие нобелевские лауреаты Н. Н. Семенов, И. Е. Тамм, Л. Д. Ландау, П. Л. Капица не только в разной степени подвергались репрессиям в годы «большого террора», но и впоследствии преследовались партийными властями.¹⁶⁸

¹⁶⁷ *Синицына Г. С.* В. И. Вернадский — основатель Радиового института // Научное и социальное значение деятельности В. И. Вернадского. Л., 1989. С. 302-329; *Визгин В. П.* Атомный проект в СССР: Предварительные итоги изучения и новые материалы // ВИЕТ. 1995. № 2. С. 86-92; *Трифонов Д. Н.* К истории Комиссии по проблемам урана // Там же. 1996. №2. С. 93-99; *Смирнов Ю. Н.* Г. Н. Флеров и становление советского атомного проекта // Там же. С. 100-125; История советского атомного проекта. Документы, воспоминания, исследования. М., 1998; и др.

¹⁶⁸ *Кривонос Ю. И.* Почему в ЦК КПСС не любили советских лауреатов Нобелевской премии (Н. Н. Семенов, И. Е. Тамм, П. Л. Капица, Л. Д. Ландау в «объятиях» власти) // ВИЕТ. 1999. № 3. С. 116-143.

В то же время ученое сообщество в значительной степени было готово идти на издержки функционирования в условиях жесткой диктатуры, так как послевоенный кризис окончательно убедил их, что организационные усилия для развития науки в XX в. посильны действительно только государству. И это правильно предвидели В. И. Вернадский и другие организаторы науки еще в 1920-е гг. С ростом объема научных исследований и размаха научных проектов неизбежно развивается стремление ученых (согласно высказываниям академика Л. А. Арцимовича) удовлетворять свое любопытство за счет общества, жить на ладони государства и согреваться его дыханием. С этим связано то, что ученые, чьи исследования требовали больших денег и серьезных организационных усилий, всегда стремились найти и в конечном счете находили общий язык с советским государством.

Государство же неизбежно стремилось организовать науку так, как это можно было делать в одной большой промышленной компании, т. е. иерархично, планоно и без дублирования тематик — за каждое направление должен был отвечать один лидер, непосредственно ответственный перед руководством. За всем этим была разумная организационная логика, которая обернулась трагедией для многих направлений науки в реальных условиях советской России, где государство стало всевластным и всеобъемлющим.

Американский историк советской науки Л. Грэхем, сравнивая состояние наук в СССР и в постсоветском пространстве, показал, что наука, достигшая громадных успехов при сталинской диктатуре, быстро погибает в демократической России.¹⁶⁹ Анализируя причины удивительной стойкости науки и эффективности научных исследований на фоне беспощадных сталинских репрессий, Грэхэм называет две причины лояльности ученых к режиму.¹⁷⁰ Прежде всего, это искренняя вера большинства ученых, воспитанных в советское время, что социализм является сам по себе важным достижением и имеет громадные перспективы в случае исправления своих ошибок. Во-вторых, наука в большей степени, чем другие сферы советского общества, предоставляла возможность реализовать творческой потенциал с сохранением чувства собственного достоинства. В науке ученые видели возможность отгородиться от реалий жизни и морального разложения, царившего кругом. Это позволяло им с энтузиазмом работать даже в тюрьмах и лагерях. «Только наука могла придать смысл их жизни и оставалась единственной областью, где они могли служить истине, не вступая автоматически в конфликт с системой. Толь-

¹⁶⁹ *Graham L. R. What Have We Learned about Science and Technology from the Russian Experience? Standford, 1998.*

¹⁷⁰ *Ibid.* P. 70-71.

ко физическое уничтожение могло и, к несчастью, часто это делало, прервать их преданность науке».¹⁷¹

Следует добавить, что многие старорежимные ученые остались в советской России, пойдя на компромисс с властями ради сохранения Академии наук и осуществления научных планов, воспринимаемых как предназначение свыше. В конечном счете они, как и их молодые коллеги, уверовали в историческую необходимость своих действий, и более или менее искренне приняли сталинский режим. К этому их толкали как успехи в области индустрии, так и появление внешней угрозы со стороны фашистской Германии. Импонировали им и идеи российского патриотизма, возврат к имперской политике. Их не слишком шокировали массовые репрессии, так как они полагали, что в основном от них страдали члены партии, в том числе и прямо ответственные за гонения на ученых в предшествующие десятилетия.

В этом отношении особенно удивительна эволюция взглядов В. И. Вернадского, который к концу жизни стал рассматривать сталинский тоталитаризм как решающий этап в переходе от стихийной эволюции биосферы к ноосфере. Ноосферу же он понимал как рациональное устройство общества и его взаимоотношений с окружающей средой на базе научных представлений. И в этом его взгляды не слишком отличались от взглядов его западных коллег, усматривающих в науке основной источник социально-экономического прогресса. Отличие лишь в том, что в России никогда не было, а в обозримом будущем, видимо, и не будет большой науки без патронажа государства.

Вместе с тем в среде научного сообщества постоянно тлело недовольство властью. «Укрошенная» Академия наук по-прежнему не отвечала чаяниям властей о практической значимости фундаментальных исследований. Приходилось вновь и вновь напоминать, что Академия наук, содействуя «общему подъему теоретических, а вместе с тем и прикладных наук в СССР», должна быть «теснее связана с нуждами социалистического строительства».¹⁷² Вышедшее в ноябре 1938 г. постановление ЦК ВКП(б) «О постановке партийной пропаганды в связи с выпуском „Краткого курса истории ВКП(б)“» преследовало цель создать единую систему философско-политического образования и искоренить саму возможность возникновения инакомыслия. Делалось это под предлогом преодоления заумных рассуждений и жонглирования гегелевской терминологией, с целью сделать тем самым философию понятной и доходчивой для каждой домохозяйки. В качестве образца был приведен очерк «О диалектическом и истори-

¹⁷¹ Ibid. P. 15.

¹⁷² Мартовская сессия Академии наук СССР // Успехи физических наук. 1936. Т. XVI. Вып. 7. С. 837.

ческом материализме» в канонизированном «Кратком курсе истории ВКП(б)». Были утверждены программы по диалектическому и историческому материализму, созданы соответствующие кафедры во многих институтах, организованы философские факультеты в Московском и Ленинградском университетах. В 1941 г. было принято решение о введении в школе уроков логики и психологии. Философия была поставлена под административный и идеолого-политический контроль Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б).

Отныне каждый ученый должен был наизусть знать основные тезисы марксистской философии, а цитирование стало единственным способом доказательства. С 1939 г. в Институте философии АН СССР началась подготовка «Истории философии» в 7 томах, работа над которой не раз привлекала внимание властей, выливаясь в специальные постановления и решения. Поводом для первого из них стал третий том, посвященный немецкой классической философии, в котором на немецкую философию была возложена вина за агрессивность германской нации. Он был удостоен Сталинской премии, но неожиданно осужден в 1944 г. постановлением ЦК ВКП(б) «О недостатках и ошибках в освещении истории немецкой философии конца XVIII и начала XIX вв.»¹⁷³

Несмотря на всю трагическую атмосферу второй половины 1930-х гг., именно тогда завершился многолетний кризис научного сообщества в России. Убедив власть в необходимости науки для поступательного развития страны и добившись приоритетного финансирования, ученые вынуждены были смириться с жестким идеологическим и административным диктатом. Исчезли и притязания на самостоятельную роль в общественно-политической жизни страны, на активное участие в определении государственной политики. Наука стала неотъемлемым элементом государственной структуры со всеми вытекающими из этого преимуществами и недостатками. Окончательно сложились три основных сектора науки: академическая, вузовская и отраслевая. При этом со временем выяснилось, что такая система позволяет поддерживать на высоком уровне исследования лишь в отдельных областях, но она неэффективна в разработке и внедрении новых технологий по всему спектру научно-исследовательских проблем. Даже отраслевая наука, приписанная к наркоматам, не была прямо заинтересована в решении производственных задач, в модернизации производства, в росте производительности труда и снижении энергетических и материальных затрат. Тем не менее внешне доминировало ведомственное подчинение науки, когда боль-

¹⁷³ Батыгин Г. С., Девятко И. Ф. Советское философское сообщество в сороковые годы: почему был запрещен третий том «Истории философии» // Вестн. АН СССР. 1993. Т. 63. №7. С. 635.

шая сеть научных учреждений подчинялась органам, управлявшим производством (см. рис. 2).¹⁷⁴ При иерархической структуре управления наукой только академическая наука находилась непосредственно в ведении СНК. Центральные институты отраслевой науки управлялись наркоматами, а остальные — на уровне главков и объединений. Заводские лаборатории подчинялись администрации предприятий. Были еще и «колхозные хаты-лаборатории» с босоногими сотрудниками.

Каждый из секторов функционировал в значительной степени независимо, и все попытки создать некий единый планирующий и контролирующий орган не дали позитивного эффекта. В масштабах всей науки это не смог выполнить ни Отдел науки Госплана, ни Отдел науки ЦК ВКП(б), созданный в 1935 г. С большой натяжкой можно было и говорить о планировании в пределах отдельных ведомств. Как отмечал П. Л. Капица в письме к В. Л. Комарову от 17 февраля 1938 г., не только в масштабах всех АН СССР, но и в пределах институтов нет «объединенной тематики». Даже «один и тот же научный работник ведет ряд разрозненных научных тем».¹⁷⁵ Многие недостатки в планировании научно-исследовательской работы в масштабах всей страны перечислял П. Л. Капица председателю Госплана СССР Н. А. Вознесенскому 19 октября 1939 г. Существующее планирование он называл уродством.

Работая в рамках направлений, якобы определяемых партийно-правительственным аппаратом, научное сообщество оставалось слабо интегрированным и раздраемым межведомственными противоречиями. С исчезновением коммунистического сектора науки антагонизм и конкуренция внутри научного сообщества отнюдь не исчезли. Борьба за покровительство правящей элиты и финансово-материальные ресурсы нередко становилась причиной многих последующих партийно-правительственных постановлений, приводивших к разгрому целых отраслей науки и «укоротивших онтогенез» громадного количества советских ученых. Однако ущерб, нанесенный тоталитарной системой научному сообществу в те годы, стал сказываться значительно позднее. Прекрасная когорта отечественных ученых, получивших образование еще до революции или в годы НЭПа, надолго обеспечивала поступательное развитие основных отраслей научного знания.

В дальнейшем усиливающееся отставание советской науки в отдельных отраслях знания (например, в генетике, молекулярной биологии, биохимии, экологии и т. д.) было следствием тоталитарного

¹⁷⁴ *Лахтин Г. А.* Организация советской науки: история и современность. М., 1990. С. 27.

¹⁷⁵ *Капица П. Л.* Письма о науке. М., 1989. С. 154-157.

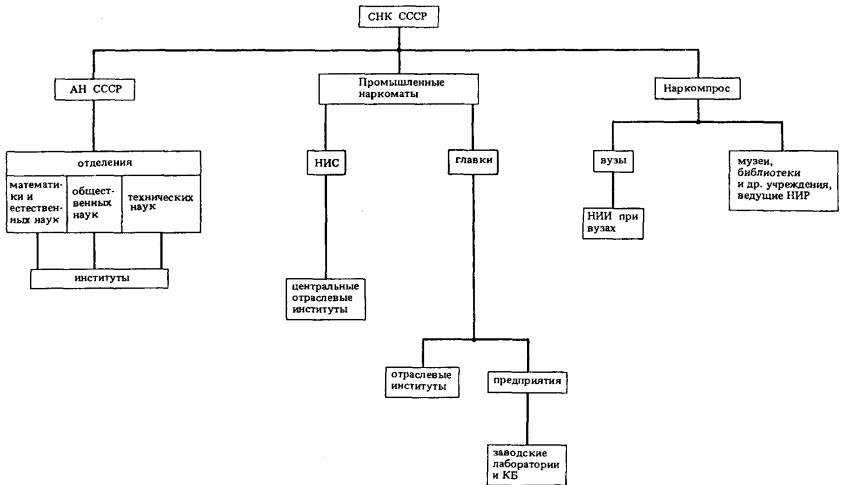

Рис. 2. Иерархическая структура управления наукой (см.: *Ляхтин Г. А. Организация советской науки.* С. 27).

режима, лидеры которого считали себя вправе вмешиваться в решение конкретных научных проблем. При внимательном отношении власти к организационным идеям ученых о демократизации науки и свободе научного творчества можно было бы избежать многих уродливых порождений 1940-1950-х гг. Но тогда это была бы не советская модель взаимоотношений науки и власти. Приняв как неизбежное зло научную интеллигенцию для решения своих политико-экономических и социально-идеологических целей, партийно-государственная элита не желала делиться с ней властью и старалась низвести ученых до роли простых исполнителей принятых в верхах решений. Сталинский террор в принципе был не способен обеспечить устойчивое сотрудничество государства с научной интеллигенцией, хотя и не был направлен именно против нее. Большинство ученых попадали под каток репрессий так же случайно, как и представители других слоев населения.

Созданная структура в максимальной степени реализовала тенденцию, зародившуюся еще во время Первой мировой войны во всех промышленно развитых странах, — взять под жесткий правительственный контроль национальную экономику и обеспечить государственную поддержку науки, которая, в свою очередь, должна была обеспечить рациональное планирование. В этих условиях ученые старались занять ведущую роль в обществе, что с неизбежностью порождало конфликты с правящей партийно-государственной элитой и лично с т. Сталиным, стремящимся к единоличной диктатуре. В условиях тоталитарного режима была невозможна реализация профессиональных интересов научного сообщества в полном объеме. Ученый должен был работать так, как ему приказывали, а не как ему хотелось.

Советские ученые, как и японские, разрабатывали биологическое оружие,¹⁷⁶ в то время как в Германии не велись серьезные работы над биологическим оружием, что, видимо, было связано с тем, что не только генералы, но и сам Гитлер был против него.¹⁷⁷

Жесточайшие репрессии заставляли ученых скрывать свои взгляды на происходящее, отделяваясь публично ритуальными формами выражения солидарности и пытаясь воздействовать на научную политику письмами-обращениями в партийные органы.

¹⁷⁶ *Alibek K., Handelman S. Biohazard. New York, 1999.*

¹⁷⁷ *Geiser E. Hitler und Biowaffen. Münster, 1998.*